

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ольга ГОЛОТВИНА

СОКРОВИЩЕ ТРОМЛЕЙ

Ищешь сокровище? Помни: старинные карты коварны!

Постоялый двор

Ольга Голотвина
Сокровище троллей

«Автор»

2013

Голотвина О. В.

Сокровище троллей / О. В. Голотвина — «Автор»,
2013 — (Постоялый двор)

Снова нет покоя на постоялом дворе «Посох чародея». На побережье Тагизарны хлынули ватаги кладоискателей. И разыскивают древнее сокровище на удивление окрестным троллям, Подгорным Тварям и разбойникам... А на самом постоялом дворе идет повседневная жизнь – то есть суматоха, сумятица, неожиданные встречи и странные переплетения судеб. Кто-то обдумывает планы кровной мести, кто-то скрывается от ужасного зверобога, кто-то, чтобы спасти свою жизнь, пытается раскрыть тайну лесной речушки. Словом, проклятие, наложенное на постоялый двор, действует: спокойной жизни в «Посохе чародея» не будет!

© Голотвина О. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	6
1. Боец из моего десятка	9
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Голотвина

Сокровище троллей

Посвящается моей любимой писательнице Элеоноре Раткевич.

Варианты девизов

Ищешь сокровище? Помни: старинные карты могут быть коварными!

Дорога, начерченная на старинной карте, заставит тебя петлять меж своими и чужими приключениями.

Дорога, начерченная на старинной карте, может привести тебя к твоей судьбе.

Пролог

(296 год Железных Времен, конец Хмурого месяца)

Над протоптанной в снегу тропой, что бежала берегом Тагизарны, протянула толстые ветви корявая, разлапистая, искалеченная ветрами сосна.

Распластавшись на ветке, черное чешуйчатое существо не сводило с тропы маленьких красных глазок. Когтистые лапы застыли, впившись в кору. Из приоткрытой пасти время от времени вылетал длинный, по-змеиному раздвоенный язык – и тут же прятался обратно. Казалось, только язык и был живым, а сам ящер выглядел чудовищным черным наростом на сосновой коре.

Внизу послышался скрип снега под ногами – такой легкий, что человеческое ухо не уловило бы его. Ящер не пошевелился: чуткие ноздри уже сказали ему больше, чем слух.

Скрип приближался. На тропе появился мальчик лет четырех-пяти, крепенький, кареглазый. Он шел осторожно, на каждом шагу останавливался, озирался по сторонам. В руках у малыша был игрушечный меч, выструганный кем-то старательно, с явной любовью.

Маленькие красные глаза сверху поймали ребенка, впилась в него, не упуская ни одного движения.

Вот малыш остановился, разглядывая засыпанный снегом куст можжевельника. Вот медленно двинулся вперед. Вот он уже поравнялся с сосной...

Внимание мальчика привлекла кучка осыпавшегося с ветвей снега. Он быстро перевел взгляд в голую крону...

Но поздно, поздно!

Черное гибкое тело метнулось вниз. Отлетел в сторону деревянный меч. Клыкастая пасть сомкнулась на добыче – и снова разомкнулась.

– Я сссъел! – с шипением сообщил заснеженному лесу ящер.

Мальчишка, высвободившись из-под чешуйчатой лапы, поднялся на ноги и принялся vareжкой стряхивать снег со штанишек.

– Ну, съел и съел... а чего на весь лес орать? – сердито отозвался он. – Я тебя почти нашел!

– Не успел! – торжествовал ящер. – Я тебя сссъел!

– Что съел – это не спорю, – строго сказал мальчуган, – а вот если ты мне тулуп порвал, моя мама нам обоим задаст!

– Не надо задасст! – встревожился ящер и принялся тыкаться мордой в аккуратненький, добротный тулупчик – не порвал ли, в самом деле?

И попался: получил пригоршню снега в приоткрытую пасть.

Такое коварство не могло остаться безнаказанным. И была схватка, и был бешеный бег друг за другом по кустам, и было кувырканье в сугробах – только снег взвивался да трещали сучья!

Наконец лихие вояки утомонились и сели рядышком на выступающий из земли корень сосны. Ящер подвернул под себя хвост, чтобы не так холодно было животу. Все-таки не одобрял он зиму.

– Теперь я буду прятаться! – потребовал мальчишка.

– Нюххом сссыщу! – гордо ответил ящер.

Мальчуган огорченно покосился на приятеля. Это да, нюх у него такой, что собаке впору от зависти сдохнуть.

– Попробую! – не уstraшилa трудностей упрямый мальчишка.

– Ззамерсс, – возразил его чешуйчатый друг. – Греться!

– Ой, ну разочек, а?
– Просстужусс! – наотрез отказался ящер. – И Ссизый рассердится!
– Ой, и мама тоже! – спохватился мальчик. – С этими взрослыми никакого сладу! Так бы и держали нас все время на глазах!
– Взрослые – ужасс! – твердо согласился ящер. Порылся в памяти и выдал еще одно неприятное слово на человеческом языке: – Присссмотр!
– Присмотр, будь он неладен! Бежим домой греться, а то моя мама нам уши оборвет.
Ушей у ящера не было, но серьезностью ситуации он проникся вполне. Да и самому ему хотелось в тепло бревенчатого дома, к жару, который струится от прирученного огня.
Мальчуган подобрал свой деревянный меч, и оба малыша поспешили туда, где над кустами высилась бревенчатая ограда постоянного двора.

* * *

А в это время – тоже близ берега Тагизарны, но гораздо севернее – по лесу по-охотничьи, след в след, шел отряд троллей.

Босые ноги твердо ступали в сугробы, прочная шкура не вздрагивала от порывов ледяного ветра, заблудившегося меж стволов. На троллях были только набедренные повязки из шкур, но другой одежды великаны и не желали знать.

Зима была единственным временем года, которое радовало свирепых охотников. Именно зимой приходили они из года в год сюда, на берег большой реки. И уходили прочь, когда солнце становилось хищным и убивало снег...

Старый Хырр, идущий в середине цепочки, сказал негромко:

– Раньше здесь было лучше. Больше добычи. Меньше людей.

Все промолчали. Старый Хырр, хранитель мудрости племени, говорил мало, но каждое слово его полагалось разгрызать в тишине, как мозговую кость.

Только замыкающая цепочку молодая охотница Агш, первая задира племени, крутанула над головой дубину, сделанную из вырванного с корнем дерева, и дерзко отозвалась:

– Люди – добыча!

Старый Хырр даже не повернул голову к наглой самочке, не родившей еще ни одного детеныша, и тихо промолвил:

– Люди – опасная добыча.

Агш злобно передернула плечами – так, что отвислые груди мотнулись из стороны в сторону. И хотела огрызнуться: мол, опасная добыча – самая вкусная, а старики всегда говорят, что раньше было лучше. Как и все самки, Агш болтала слишком много.

Но охотницу остановило короткое горловое ворчание, которое издал идущий впереди тролль.

Цепочка распалась. Охотники бесшумно рассыпались среди поредевших стволов.

Стук железа по дереву. Человечий запах. Голоса.

Лес расступился, открыв скованную льдом реку. Лишь на середине ее гордо и непокорно чернела быстрина – не поддавалась морозу, не прятала мощные, упругие струи.

Но тролли смотрели не на реку.

Вдоль берега шли люди. Шли бесконечным потоком, таким же могучим, как река. У всех было оружие. Медленно выступали лошади, тащившие тяжело нагруженные сани.

Тролли любили конину еще больше, чем человечину. Но сейчас, прильнув к узловатым древесным стволам, они даже не пытались напасть на шагающее мимо мясо.

Каждый из людей был троллю по пояс. Но вместе, стаей, люди были грозными противниками.

Сейчас людей было много. Очень много. Столько никогда не проплывало по реке на больших лодках, в которые так славно было весной и осенью швырять тяжелые валуны.

Охотники застыли, слившись с лесом, и медленные снежинки не таяли в их всклокоченных волосах.

Когда шумная человеческая стая исчезла за высоким утесом, старый Хырр молвил мудрое слово:

– Люди идут в большое логово.

Не возразил никто, даже наглая Агш. Конечно, люди шли в большое логово на высоком холме.

Прошлой зимой на холме не было ничего, кроме редких деревьев. Но этой осенью пришли люди. Они повалили деревья на холме и вокруг него, построили много человеческих берлог и окружили их оградой из заостренных бревен.

Тролли насупились, глядя на утопанную тропу, пролегшую за враждебной стаей. А мудрый Хырр, который сегодня был говорлив, как самка, произнес ужасные слова:

– Люди могут забрать сокровище троллей...

1. Боец из моего десятка

(297 год Железных Времен, Лютый месяц)

Сотник Литисай Звонкая Стрела бережно разгладил клочок пергамента, тронул пальцами выцветшие линии рисунка.

Конечно, это не оригинал пятисотлетней давности, а поздняя копия. Но вот он, холм, на котором теперь стоит его крепость. Вот берег Тагизарны, вот излучина. Здесь, похоже, болота... здесь – большой утес...

Ну, что бы этим окаянными магам обвести на карте кружком место: мол, здесь спрятано сокровище... Так нет же, навертели на обороте всякую ерунду... они хоть сами понимали, что писали?

Литисай перевернул пергамент, пробежал глазами по строчкам, которые и без того знал наизусть:

«Меж Барсучьим Хороводом и Зубами Реки отыщи Улыбку Рыси. Ступай туда, куда смотрит Рысь. Вехой тебе будет Чаша Забытой Матери. Где поют Вечные Струны, ищи Приют Филина и будь там гостем. Когда нагостишься – обрящешь Лисий Ошейник. Пройди от него сорок шагов к воде. Не будет там награды для тебя, но вопроси Пьяного Карася – и укажет он, где обрести сокровище».

Бред какой-то, особенно «пьяный карась»! Ну, «зубы реки» – это, наверное, Пенные Клыки, знаменитые пороги, что лежат выше по течению. А остальное...

Но этот вздор – путь к древнему кладу. Тайна, не разгаданная за пять веков. Справится ли с нею Литисай из Рода Хасчар?..

Стук в дверь вырвал молодого сотника из размышлений. Он поспешно спрятал пергамент под лоскутное одеяло на постели и отворил дверь.

Ну конечно, Румра! Остальные стучатся куда деликатнее.

Эта ужасная женщина шагнула в комнату (пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку) и с порога ринулась в бой:

– Что себе позволяют твои десятники, дарнигар? Да разорви меня демоны, я этому Ашташу чуть морду не набила – и набью еще, если срочно не поумнеет! Я ему кто, баба с зеленого рынка или все-таки шайвигар?

– Шайвигар, конечно, – примирительно сказал сотник. – Что натворил Ашташ?

– В третьем бараке, у наемниц, печь дымит! – рявкнула Румра. – А на кухне хоть и не дымит, но до того бестолково сложена, что не случилось бы пожара, храни Безликые! Печи клал печник из Замка Трех Ручьев. И если тот печник мне попадет, этот дурень с кривыми руками, я его засуну башкой в печь его работы!

Литисай взъерошил свои светлые волосы, пытаясь понять, какая связь может быть между старшим десятником Ашташем и неведомым криворуким печником. В присутствии Румры – а тем более Румры разъяренной – сотник соображал с трудом. У него появлялось чувство, будто он мирно шел по лесу – и вдруг провалился в медвежью берлогу.

– Сколько в гарнизоне печников? – сурово, словно на дознании, спросила Румра. – Среди солдат, а? Твоя сотня, вот и скажи!

– Это шайвигару положено знать! – попытался огрызнуться Литисай. С таким же успехом котенок мог бы огрызнуться на матерую рысь.

– Дарнигар тоже не рассыплется, если своих солдат знать будет! Всего сотня под рукой – можно и расспросить, кто что умеет, кроме как мечом махать. Один у нас печник! Один! Седой из Отребья – толковый, говорят, мастер. Из четвертого десятка. Я пошла к Ашташу – дай, мол, Седого, у меня для него работы по самое не скучай! А ползучий гад Ашташ отвечает: дарнигар

велел третьему и четвертому десяткам заготавливать дрова. И он, Ашташ, не может нарушить приказ Правой Руки. Я этой дубине говорю: «Он – Правая Рука, я – Левая Рука, наши приказы друг друга стоят!» А у этого хряка с бляхой десятника повернулся язык брякнуть: солдатам приказывает дарнигар, а Левая Рука распоряжается рабами и слугами... Рабами, а? Да пусть мне покажут в Шевистуре хоть одного раба!

Литисай наконец понял, в чем дело.

Десятник, конечно, прав: занимать солдат на хозяйственных работах можно лишь с разрешения дарнигара. Но как быть Румре, если в крошечном форте, гордо именуемом крепостью, нет никаких рабочих рук, кроме солдатских?

– Конечно, я распоряжусь. Два десятка нарубят дров и без Седого. Забирай его, пусть печи перекладывает.

Но Румра не сразу утихла:

– Ашташ мне так нагло заявляет: мол, вы, господа, промеж себя разберитесь, а мне неприятности ни к чему... Уж я б ему показала «неприятности» – дней пять бы в бараке отлеживался! Его счастье, я вовремя вспомнила, что в крепости нет лекаря, а то бы устроила это самое!..

«Дарнигару положено знать свой гарнизон, – подумал Литисай. – На будущее запомню: старший десятник Ашташ – большого мужества человек. Возражать этой свирепой великанше...»

Литисай не сомневался, что Румра Пляшущая Кошка из Семейства Гашхар могла устроить загадочное «это самое» любому десятнику – хоть своему, хоть вражескому.

Тем временем мыслилевой Руки приняли другой оборот:

– Насчет лекаря... погано, что у нас его нет! Ты до весны будешь вместо Хранителя – мог бы добиться, чтоб с нами послали какую-никакую двуногую пилюлю.

– Лекарь, которого с нами должны были послать, заболел, – хмуро отозвался дарнигар. – А собирались, сама знаешь, спешно. Мне сказали: на месте лекаря наймешь.

– Да тут на три дня пути вокруг не то что лекаря – лесной знахарки не сыщешь! Плохо искал, Правая Рука! У тебя, говорят, родня сильная, вот ее бы и потормошил...

Литисай задохнулся, не найдя, что ответить. Сильная родня, да? Намек на то, что эта родня его и на высокую должность пристроила?

Все правильно. Иной воин, не раз побывавший в сражениях, лет этак в сорок становится десятником и гордится этим. Литисай получил бляху десятника в семнадцать лет, не слышав еще звона боевой стали. Потом, правда, был под Найлигримом, но повоевать пришлось мало: в плен попал. А в двадцать три – уже сотник! И одновременно дарнигар крепости! Пусть это крошечная крепостца в глухом захолустье – все-таки Правая Рука Хранителя!

Конечно, без помощи родственников такую до неприличия блестящую карьеру сделал бы разве что великий герой. А Литисай героем не был.

Хотя трусом, между прочим, не был тоже...

Тем временем успокоившаяся Румра сказала ворчливо:

– Ох, не быть тут добру, помяни мое слово! Нехорошие здесь места. И название у форта нехорошее – Шевистур, Болотная крепость! Сам знаешь, чьи они, болота-то...

Литисай не хуже Румры знал, что среди многочисленных имен Хозяйки Зла есть и прозвище Болотная Госпожа. И ему тоже не нравилось название крепости. Но признаваться в этом не хотелось.

– Здешние болота принадлежат королю Силурана, – хмуро ответил он.

– Это отсюда на нас ползут войной всякие ящеры и тролли, да?

– Румра, – изумился Литисай, – ты что, не знаешь, зачем тут крепость поставлена?

– А когда мне было узнавать? Мне сказали: есть место шайвигара в новой крепости, живо собирайся, не то проворонишь должность. И что-то про ящеров и троллей...

– А меня что ж не спросила?

– А когда? Помнишь, какие дни были, демон их заberi?

Возразить было нечего. Конец прошлого года и начало нынешнего и впрямь выдались суматошные. Маленький гарнизон добирался до Шевистура, прорубая путь для саней на заросших зимних тропах, постоянно ожидая нападения хищных Подгорных Тварей – еще хвала Безликим, что обошлось без потерь... А добравшись до места, в хлопотах обживались в крепости, на скорую руку возведенной местными мужиками под командой поставленного королем строителя. Строитель-то был толковый, но за мужичьем в одиночку ему было не углядеть, да и время поджимало: в промерзшую землю бревна не очень-то вобьешь. А потому гарнизон напоролся на уймищу недоделок: где крыша течет, где щели не проложены мхом или паклей, где в погребе забыли сделать ступеньки, где в бараке нары не сколочены... всего и не перечислить! В невероятном количестве таскали воду из проруби – не только для питья и стряпни: еще и поливали крутой склон, чтобы ледяная корка помешала любым врагам штурмовать холм. Запасали дрова. Охотились, потому что провианта с собой прихватили в обрез, самый скудный паек, в расчете на то, что приварок к этому скудному пайку можно будет добыть на месте.

Литисай так выматывался, что засыпал прямо в одежде, едва успев скинуть сапоги. В маленькой крепости едва не пропустили начало нового года. Но вспомнили все-таки, и жгли, как положено, всю ночь костры, чтоб сгорели невзгоды и напасти уходящего года...

– А если что-то знаешь, – мирно продолжила Румра, – возьми да расскажи. Да не только мне, но и десятникам – пусть солдатам растолкуют, а то по баракам ходят слухи, один другого страшнее.

Молодой дарнигар приосанился: в кои-то веки он знал больше других! И на совет насчет десятников не обиделся, отложил его себе в память: вот к вечеру так и сделает...

– Мне и самому не все известно. Не знаю, зачем этой осенью король с дружиной отправился вверх по Тагизарне – вот в эти самые места. Разное болтают: кто про магический талисман, кто про заговор... ладно, не наше дело. Зато знаю, что как раз в это время из-за Грани выполз отряд ящеров. Ты, наверное, слышала, что за Гранью из-за злого колдовства смялись и перепутались несколько миров, получился ком из прозрачных движущихся складок. Идешь, скажем, по лесу, в сторону шагнешь – окажешься в пустыне...

– Слышала такое, но не знаю, что правда, а что брехня. Так оттуда заявились ящеры?

– Ну да. Им там скверно живется, особенно самкам и малышам. Снесет самка яйца, а тут подкатит другая складка – да хоть та же пустыня! – и не вылупятся детеныши. Взрослые-то убегут, а яйца с места двигать нельзя...

– Откуда ж людям про ящеровы беды известно? – подозрительно спросила Румра.

– А сами ящеры и рассказали.

– Они еще и разговаривают?! – ахнула женщина.

– И даже по-нашему, хоть и не очень хорошо. Но у короля есть переводчик, который знает их язык... Так вот, вылез из-за Грани отряд – наш мир завоевывать. Конечно, перебили бы этих завоевателей, но они бы успели крепко попортить людям жизнь. К счастью, до крови не дошло. Удалось с ними объясниться по-хорошему. Оказалось, что всерьез им нужно только здешнее болото, чтоб самки выводили там детенышей. Крестьяне называют болото Смрадным. И еще Козьей Погибелью. Там даже ягоды не собирают. И король решил эту трясину сдать ящерам в аренду.

– А чем они будут платить?

– Не знаю, но за Гранью много всякой полезной всячины. По весне сюда придут посланцы короля для переговоров.

– Говоришь, у нас даже переводчик есть?

– Переводчица. Супруга нашего Хранителя. Дочь Клана Вепря. Госпоже от предков-магов достался Дар – любой язык она понимает, как родной.

– Ух ты... значит в Шевистуре будут жить двое Детей Кланов? – благоговейно шепнула женщина. – Сам Хранитель и его жена...

Литисай кивнул. Его тоже волновала мысль о приезде высокородных господ. Ни в Силуране, ни в соседних странах не было знати выше, чем Дети Кланов – потомки двенадцати великих магов древности.

– А где сейчас ящеры? – продолжала допытываться Румра.

– До весны ушли за Грань, они холода не любят. А король приказал поставить здесь крепость. Мало ли чего учудят ящеры! У государя в свите был человек, знающий толк в строительстве, ему король и велел согнать окрестных мужиков на работу.

– Ясно... Значит, ящеров мы до весны не увидим?

– Увидеть-то можно. Трое остались изучать наш язык.

– Да ну?! И где устроились, неужто в деревне?

– В «Посохе чародея». Король заплатил хозяину постоялого двора, чтоб тот их приютил.

– Надо бы съездить да посмотреть, – задумчиво протянула Румра. – А то весной увидишь – вдруг да испугаешься с непривычки! А нам пугаться нельзя, на нас солдаты смотрят.

– А поедем! – загорелся молодой дарнигар. – Главные дела сделаны...

Литисаю действительно хотелось взглянуть на ящеров и отдохнуть от опостылевших хозяйственных забот. Но была и тайная мыслишка: на постоялом дворе можно узнать что-нибудь о загадочных надписях. Вдруг эти «барсучьи хороводы» и «пьяные карасы» – попросту названия речушек, озер, скал?

– Поедем, Румра! Поедем прямо завтра! В сотне два старших десятника. Один за тебя останется, другой – за меня.

– Я за себя оставлю Ашташа, – мстительно заявила Румра. – Пусть покрутится...

* * *

Берега Тагизарны, конечно, глухомань, но и совсем безлюдными их не назовешь. Подмерзла непролазная грязь, лег на землю снег – и вот уже под сапогами, копытами и санными полозьями обозначилась лесная дорога.

По дороге этой неспешно брела, опираясь на посох, крупная, толстая старуха в суконном плаще с капюшоном и мужских сапогах. Холщовая сума через плечо выдавала в старухе побирушку, но в остальном женщина выглядела не так уж и нищенски. И сапоги, и плащ с побитой молью меховой оторочкой, и темное платье были хоть и поношенными, но вполне еще добротными.

По обе стороны дороги чернел ельник – мрачные приземистые деревья, исковерканные буранами.

Нищенка не удивилась, даже не вздрогнула, когда разлапистая ель окликнула ее сиплым, простуженным голосом:

– А ну, старая чума, стой!

С приветливой улыбкой старуха оглянулась на оклик:

– Доброго вам здоровьичка, Бурьян и Горластый!

– Ишь ты! – удивилась ель уже другим голосом – слабым, писклявым. – Я вроде молчу, а эта змеюка учуяла...

– Учужала, учужала, – ухмыльнулась нищенка. – Твой сапог за поворотом наследил. Левый. Со сбитым внутрь каблуком.

– Глазастая... – враждебно откликнулся простуженный голос.

Еловые лапы с хрустом раздвинулись, усыпая хвоей снег. Из-под них вынырнул косоглазый смуглый парень в овчинной куртке. Темные глаза зло глядели на старуху.

– Ну, бабка Гульда, потолкуем мы с тобой о прошлых делах! Крепко так потолкуем!

– О каких еще прошлых делах? – наивным, простодушным голосом спросила нищенка. – Разве ж я тебя, Бурьян, когда обижала?

Из-под тяжелых еловых лап донеслось хихиканье.

– Во, и Горластый не забыл, – покосился на ель Бурьян, – как ты нам пакостила. А ну, сказывай: откуда и куда бредешь?

– Землянику собирала! – огрызнулась бабка Гульда. – Так тебе все и расскажи!

– Расскажешь, старая, расскажешь, коли не хочешь, чтоб я из твоей шкуры ремней нарезал.

– Да я просто-напросто бреду себе в «Посох чародея», – профессиональным нищенским голосом захныкала старуха. – Голодная, холодная, ищу, кто бы мне хоть корочку хлебца подал. Крестьяне скряжничают, ваш брат разбойник злобится...

– Цыц! – оборвал ее причитания Бурьян. – Вчера тебя один из наших видел у Медвежьего Волока. А два дня назад ты, сказывают, собиралась в верховья Безымянки? Никто туда не ходит, а ты... Что-то ищешь, толстая гадина. Или сыскала уже?

– А хоть бы и так! – азартно огрызнулась Гульда. – Что сыскала – тебе ни к чему. В мешке не унесешь, в кабаке не пропьешь, скупщикам краденого не загонишь. А я...

Нищенка резко оборвала фразу.

– Ну, чего замолчала? – подбодрил ее разбойник. – Ты не молчи, старая, молчать – для здоровья вредно. На погребальном костре всласть намолчишься, а сейчас отвечай: чего ты такое нашла?

– Прореху в Грани, – неохотно ответила старуха. – Подгорные Охотники ее называют Вратами Миров.

Разбойник несколько мгновений озадаченно молчал. Затем обернулся к ели:

– Слышь, Горластый, а оно нам зачем?

– Тебе ни к чему, – опередила Горластого бабка. – А я с первого же Подгорного Охотника, что забредет в эти края, стрясу хорошую денежку. Небось не покусится, лишь бы я его туда проводила. Опять-таки неподалеку крепость поставлена, так Хранитель и золота не пожалеет, чтоб узнать, откуда в наш мир лезет всякая хищная дрянь.

– Ага, – заинтересовался Горластый. – Это я тоже могу... А еще говорят: там, где дыра в Грани, стоят ворота из чистого золота.

– Врут! – ответила бабка твердо, но очень уж поспешно.

– Проведешь нас туда, – решился Бурьян.

– Эй, стой! – пискляво встревожился из-под ели Горластый. – Кого это – «нас»? Коль мозги отморозил, так хоть за двоих не решай! Это ж Гульда, змеюка подколотная! Помнишь, ты говорил, что у нее где-то денежки спрятаны? Вот так же хотел дознаться... а чем дело кончилось? Нас два ящера на дерево загнали!

Бурьян тихо зарычал сквозь зубы: не забылось унижение.

– А потом ты, я да Тумба хотели вызнать, где прежний атаман золотишко зарыл – помнишь? Ты сказал: мол, ведьме это известно... И что, вышел прок? Эта гадина так Тумбу заморочила, что он нам с тобой ребра пересчитал! Никуда не ходи с этой старой стервой, не будет тебе от этого богатства!

– О Безликие! – ахнула старуха. – Неужто близок конец света? Чудеса творятся наяву, какие не под силу и Первым Магам! Горластый – и вдруг поумнел!

Не отвечая ехидной бабе, разбойник продолжал уламывать своего дружка:

– Не верь ведьме! К Безымянке она тебя потащит, да? А часто туда люди ходят? Ты ее лучше пристрели! Всадить ей стрелу в глаз, так вся округа спасибо скажет!

– А, – успокоилась бабка, – не будет конца света. Как все было, так и осталось... Вот ты ведьмой меня назвал – а знаешь, что с тем бывает, кто ведьму убьет?

– Не знаю, – озадаченно отозвался Горластый. – А... что?

– А попробуй, раз тебе интересно, – безмятежно предложила старуха.

– Хватит! – вмешался Бурьян. – А ну, жаба болтливая, дай сюда руку!

И деловито привязал к левой руке нищенки конец конопляной веревки.

– Это еще зачем? – возмутилась та. – Разве ж я смогу убежать от такого молодого да сильного? Тяжела я на ногу, да и годы мои не те...

– Ой, берегись, Бурьян! – остерег приятеля из-под ели Горластый. – Если она говорит «годы мои не те» – стало быть, пакость учинить задумала!

– Может, и задумала, – хмуро согласился Бурьян. – Слышь, ты, холера в платье, демонская бабушка, – клянись, что поведешь меня правильной дорогой, какой сама ходила. Клянись своим погребальным костром!

– Привязали веревкой, словно козу, да еще и клятву требуют... – хнычущим голосом начала было нищенка.

– Клянись! – свирепо перебил ее Бурьян.

Бабка Гульда подняла голову и отчеканила неожиданно твердо:

– Клянусь, что поведу тебя той же самой дорогой, какой недавно ходила, – и прямо туда, куда тебе, Бурьян, вздумало тащиться. И пусть мне после смерти костер не сложат, ежели хоть самую малость собьюсь с этого пути!

* * *

– Румра, как ты стала шайвигаром?

Закутанная в меховой плащ женщина отвела от своего лица отягощенную снегом ветку и придержала чалого конька, чтобы он шел вровень с лошадьё Литисая.

Двое наемников, ехавших позади, насторожили уши. Всегда полезно узнать побольше о начальстве.

– Ну... я наемницей была. С шестнадцати лет. Довелось побывать на последней грайанской войне. На Черных Пустошах дрались, за Лунными горами. Натерпелись страху: грайанцы само собой, но там еще и нежить всякая бродила. В одной заварушке ранили сотника. Мы отступали, я его вытащила. После этой драки нам обоим пришлось расстаться с армией: до того неаккуратно меня грайанский вояка по руке рубанул, повредил сухожилия... – Женщина подняла к глазам правую руку в меховой варежке. Пальцы навсегда согнулись, словно Румра держала невидимое яблоко. – Что за наемник, если пальцы даже ложку не возьмут? Сотнику удалось пристроиться шайвигаром в крепость Шадстур, так он меня не забыл, взял к себе в помощники. Там и крутилась, а осенью мой бывший командир шепнул словечко кому надо: мол, толковая баба, сумеет быть шайвигаром. – И хохотнула: – Вот уж действительно Левая Рука, если правая работать не желает!

Литисай с опаской глянул на Румру: не на него ли намек? «Правая Рука работать не желает...» Может, еще спросит: а ты-то, паренек, как в двадцать три года угодил на высокую должность?

Молчит. И то верно, чего уж тут спрашивать!

Род Хасчар испокон веков поставлял Силурану лихих вояк, все они дослуживались до высоких чинов и не забывали поддерживать друг друга. В шестнадцать лет Литисай пошел в армию, а в семнадцать стал десятником – дядюшка расстарался, военный советник при короле Нурторе. Через три года дядюшки не стало, но место советника занял другой родственник Литисая – и не забывает содействовать юному родичу в его карьере.

А парень шкурой чувствует недоверчивые взгляды солдат: мол, посадили нам на шею желторотого птенца!

Не далее как вечером Литисай случайно услышал обрывок разговора двух наемников:

«А говорит, что был под Найлигримом!»

«Врет. А если и был, так при Нурторе для всяких поручений. Ты прикинь, сколько лет ему было в девяностом году!..»

Тут они углядели начальство и заткнулись.

Литисай тогда потребовал предъявить оружие, придрался к плохо наточенным мечам и отправил болтунов чистить отхожие ямы. Но маленькая месть не принесла успокоения.

Чтобы отогнать невеселые мысли, парень обратился к своей спутнице:

– И не боится этот Кринаш в такой глуши постоянный двор держать?

– А вот и не боится! – охотно откликнулась Румра. – Наемники, что осенью были с королем в здешних местах, воротившись, рассказывали: мол, Кринаш спас жизнь магу из Клана Медведя. И тот в благодарность наложил на постоянный двор охранные чары. Теперь, дескать, без дозволения хозяина во двор не войдет ни Подгорная Тварь, ни оборотень, ни нежить.

– Надо же! – заинтересовался Литисай. – Вот бы попросить высокородного господина, чтоб нашу крепость так заговорил!

– Так Медведь был заезжий, грайанец. Чего ради он для силуранской крепости стараться будет?

Тропа вильнула влево и, словно речушка в большую реку, влилась в утопанную дорогу. И на этой дороге всадникам открылось необычное зрелище.

Невысокий, щуплый человек, встав вместо лошади в хомут, уныло тащил небольшую телегу. Одет человек был странно: поверх рубахи на него был напялен рогожный мешок с дырками для головы и рук.

– Эй, жеребчик, что, работой греешься? – окликнула Румра незнакомца.

«Жеребчик», вскинув голову, увидел на всадниках, выехавших на дорогу, красно-белые перевязи – и обрадовался:

– Вы из королевской армии, господа мои? А меня ограбил какой-то негодяй! Лошадку увел, куртку снял, шапку... говорит, до постоянного двора и так добежишь... а разве ж я тележку брошу?! У нее колесо отлетело, у тележки-то, так я пока провозился... Мешок вон напялил, чтоб не замерзнуть.

– Давно ограблен? – подался вперед дарнигар.

– Да с четверть звона назад...

Литисай разочарованно присвистнул. За это время разбойник наверняка успел уйти далеко.

– Ты грайанец? – определила Румра по выговору незнакомца.

– Грайанец, господин мой, лекарь я бродячий! – обернулся тот на голос. – Барикай Сиреневый Куст из Семейства Яргибран.

Женщина, которую назвали «господином», не стала поправлять Барикая. А дарнигар сбросил с плеч меховой плащ:

– Накинь, согрейся... куда бредешь?

– В «Посох чародея», господин! – Барикай закутался в плащ. – И куртку взял, и шапку взял, и лошадку увел. – Он обернулся на кучку свертков в тележке. – А лекарства не взял – ни мази, ни порошки, ни сушеные травы. Сказал: «На кой мне эта дрянь?»

И такая горькая обида прозвенела в голосе грайанца, что наемники не удержались – захотали.

– Попутчик, значит... – хмыкнула Румра. – А ну, Вягир, слезай со своей Рыжухи, ставь ее в хомут. До постоянного двора доедешь с Барикаем на тележке.

* * *

– И долго ты будешь меня по лесу мотать? – гневался Бурьян. – Мы здесь уже проходили, корова бестолковая! Вон и следы наши впереди!

– Вижу, – кротно сказала Гульда. – Но ты же сам хотел, чтоб я тебя вела, как в прошлый раз сама шла. А в прошлый раз я тут с тропы сбилась. Пока ее нашла – все кусты вокруг истоптала.

– Издеваешься надо мной, брюква мороженая?!

– Что ты, что ты! Просто хочу сдержать клятву...

Разбойник и нищенка шли по лесу вдвоем: Горластый наотрез отказался связываться с бабкой Гульдой.

Вот ему и не пришлось пробираться по заснеженному лесу. Хорошо еще, что в снегу не утонешь, не так много его здесь легло. Но все равно мало радости в прогулке: то через коряги перелезть, то ползти под низко нависшими ветвями, то кубарем – в глубокий овраг...

Вдали попробовал голос волк. Бурьян покосился на свою спутницу. Правду ли говорят, что старую злыдню слушается лесное зверье?

Может, верно говорит Горластый: всадить ведьме стрелу в глаз – и будет всем хорошо?..

Но в душе Бурьяна жадность выдержала жестокий бой с чувством мести – и порвала противника в клочья.

Говорили про Гульду, что есть у нее чем поживиться. Не так она проста, Гульда! Ходит, просит милостыньку – а у самой где-то зарыт кувшин серебра, не иначе!

Вот и запала Бурьяну в голову думка: поживиться за счет колдуньи...

Сначала-то просто хотелось добраться до кувшина с серебром. А потом в голову полезли мыслишки и позаманчивее. Гульда по здешним краям давненько бродит – то исчезнет, то вновь появится. Хитра, как дюжина лисиц. Вот узнала, где прореха в Грани, и враз смекнула, как за эту находку денежки получить. А сколько еще секретов хранит ее седая башка?..

Нет, правда, обидно же: вот помрет ведьма где-нибудь на речном берегу, вдали от людского жилья – годы-то ее какие! А вместе со старухой сгорят в вечном пламени Бездны все ее тайны...

Бурьян, мысленно успевший назначить себя наследником бабки Гульды, огорченно вздохнул – и услышал:

– А! Вот он, дуб-то! Давай, парень, лезь наверх!

– Чего? – опешил Бурьян, обзревая разлапистое, кряжистое дерево, негостеприимно поскрипывающее голыми ветвями.

– На дуб, говорю, лезь! Вон в коре трещина. Ставь туда ногу – и на нижнюю ветку!

– А ты?.. – растерялся разбойник.

– А я внизу подожду. Годы мои не те – по веткам, как белка, прыгать. Хватит, прошлый раз напрыгалась. Теперь это твоя дорога.

– Я наверх полезу, а ты тягу дашь, да?

– Куда я с привязи денусь? Вон до того сука, которым развилка кончается, как раз веревки должно хватить, – измерила Гульда взглядом расстояние до голой черной кроны.

– Да на кой я туда лезть-то должен?

– Я лазила, хоть и годы мои не те. А ты – молодой, ты и вовсе не развалишься.

Разбойник задумался, не сводя недоверчивого взгляда с безмятежной старушечьей физиономии.

Может, с вершины дуба можно что-то увидеть? Тропу там... или поляну...

– А, ладно! – решил он. – Как говорится, судьба улыбается смельчаку!

– Это она не улыбается, – с простодушным видом уточнила бабка. – Это она скалится. И прикидывает, как его получше сожрать, смельчака...

Словно отвечая речи Гульды, в отдалении вновь послышался вой.

Бурьян сглотнул слюну, молча скинул на снег рукавицы и полез на дерево.

То, что летом было бы детской забавой, в мороз оказалось делом весьма неприятным. Разбойник в кровь ободрал пальцы о скользкую и в то же время шершавую кору и пару раз шлепнулся в сугроб, прежде чем сумел оседлать ветку.

Ну и что он с нее узрел? Да ничего такого, из-за чего стоило бы карабкаться на этот дуб, чтоб ему пойти на дрова! Слева сплошное море заснеженных крон, справа узкий темный провал – речка Безымянка... Красивое зрелище, суровое, величественное. Но разозленный Бурьян его не оценил.

Взгляд вниз... там вид куда менее величественный и куда более возмутительный. Бабка Гульда, подняв привязанную руку, чтобы дать своему спутнику возможность залезть повыше, правой рукой вытащила из сумы кусок лепешки – и лопала в свое удовольствие!

– Ты там обедать устроилась? – взвыл разбойник. – Что я отсюда высматривать-то должен?!

– Да что хочешь, – безмятежно отозвалась старуха.

– А сама-то ты что отсюда видела?

– Медведя.

– Чего-о?!

Бабка вернула остатки лепешки в сумку и снизошла до объяснений:

– Медведя-шатуна. Из берлоги вылез. Вот я на дерево и взобралась, чтоб на мне, старой, он норы не сорвал.

Оскорбленный Бурьян скатился с дерева. Он готов был не хуже медведя-шатуна сорвать на бабке норы.

– Да я ж тебя...

Гульда твердо встретила его взгляд – и брань застряла в глотке разбойника. Вдруг подумалось ему, что бабка вовсе не слабенькая тростиночка. И рука на посохе лежит твердо, уверенно. И взгляд бесстрашный. Конечно, он, Бурьян, парень молодой да крепкий, но и Гульда не будет принимать колотушки со слезами и визгом. Баба лихая, постарается за себя постоять. И одной Хозяйке Зла известно, чья возьмет.

Бурьян сдержался и сказал примирительно:

– Ладно... долго еще снег месить?

– Да почти дошли уже!

* * *

– И запомни: если увидишь на дворе бабку Гульду – сразу разворачивайся и бегом в деревню, в «Жареный петух». Где просит милостыню она, другим побирушкам не место.

– Да почему не место? Наш брат нищий и ватагами бродит... По слухам, «Посох чародея» – богатый постоялый двор. Что ж, там двум бродягам не найдется угол под крышей и пожевать чего?

– Молод ты, Ланат, не слушаешь старших, а старшие худого не посоветуют. Говорю тебе: бабку Гульду обходи на драконий скок. Ты ее ни с кем не спутаешь: толстая, горластая, с посохом... Этим посохом тебя и попотчет, если сунешься ей поперек пути.

Однорукий нищий недоверчиво покосился на своего старого спутника:

– Шутишь? Я ж как-никак наемником был! Хоть и остался при одной клешне, а все-таки... посохом, баба...

– Э-эх, Ланат, бестолочь ты... Может, пойдешь со мной в деревню?

– И не увижу место, про которое байки складывают? Из-за старухи с палкой?

– Старухи с палкой?! Э-хе-хе! Она же ведьма, это всем известно. На постоялый двор Кринаша, говорят, проклятие наложила.

– Проклятие? – встревожился однорукий нищий.

– Ну да. Кринаш с нею вроде как повздорил. Так она ему возьми да брякни: пусть, мол, на твой двор валяются ворохом чужие невзгоды – а ты, мол, замаешься их разбирать... Слушай, пойдем в деревню, а?

– Ну уж нет! – хохотнул Ланат. – Чтоб я на «Посох чародея» взглянуть отказался?! А не его ли вывеска там виднеется?

И впрямь – за расступившимися деревьями виден был край крыши и удивительной красоты вывеска над нею: седобородый чародей держал на ладони осяянный золотистым светом крошечный постоянный двор.

* * *

– Ну, почти дошли. Теперь вниз – и на лед!

– Вниз, да? – с сомнением протянул Бурьян, осторожно остановившись на краю обрыва.

– А ты иву попроси помочь, – усмехнулась Гульда.

Ива и впрямь могла стать неплохой помощницей. Старая, истрепанная ветрами, она склонилась над краем оврага, свесив ветви почти до покрывшего Безымянку льда.

– Ой, бабка, смотри! Одной мы веревочкой связаны! Я брякнусь, так и тебя следом утяну!

– Да помню, помню... как тут забудешь, если ты меня всю дорогу дергаешь, как упрямую кобылу за повод! Годы мои не те – на веревке ходить... Лучше глянь, как отсюда далеко видно... и как тут красиво!

Бурьян негромко выругался! Нашла красоту, ботва гнилая! Холодные, угрюмые места, где не любят бывать люди!

Не то чтобы слыли здешние края приютом лесных ужасов. Ни разу не загрызли тут никого волчьи стаи. И Подгорные Твари бродят не гуще, чем в прочих местах. Не подкарауливают путников разбойники... это уж Бурьян знает лучше прочих. Что здесь разбойникам делать-то?

А все-таки есть причина, почему сюда не ходят! Вот только не говорят о ней... даже мысли о ней гонят прочь...

Бурьян бегло посмотрел вниз («Хорошо, что речку льдом затянуло!») и перевел взгляд на другой берег.

Не так уж далеко отсюда и видно. Вон та проплешина меж деревьев – край Смрадного болота, а больше ничего и не видать...

Но возразить Бурьян не успел. Тычок меж лопаток – и парень полетел с обрыва.

Речной лед гостеприимно метнулся навстречу и радостно хрустнул под разбойником. У берега бил родник, ледок здесь был тонким, непрочным.

Разбойнику показалось, что он заорал, когда вода ворвалась под одежду и в сапоги, обожгла, ударила, стиснула... На самом деле он молча разевал рот, барахтаясь на мелководье и выплевывая на серый лед донную грязь.

По-звериному, на четвереньках выполз разбойник на берег. Вскинул голову к свесившей ветви иве, к глядящему с обрыва вниз круглому старушечьему лицу.

– Порешу, сука...

И тут потрясенная, горящая от ненависти голова вдруг породила здравую мысль.

По оврагу карабкаться и без того нелегко, да еще в леденеющем на глазах полушубке. А наверху ждет крепкая, сильная баба с тяжелым посохом наготове. И ей как раз очень удобно бить по башке, которая покажется над краем обрыва.

– Когда ж развязаться успела, брехунья старая? – просипел Бурьян.

– Пока ты по сторонам глазел, – объяснила бабка.

– Обманула, росомаха... – Бурьяну трудно было говорить, зубы лязгали.

– Вот еще! Как поклялась, так и провела. Я ж тут и сама с обрыва съехала, ноги промочила. Дальше уже не ходила: костер развела, грелась... На, держи, недотепа!

Левой рукой старуха вынула из сумы холщовый мешочек, сбросила под ноги Бурьяну.
– Здесь кремь, огниво, трут. Набери хвороста, разведи костер. Ничего, выживешь.
Силуранцы – народ крепкий и к морозу привычный. А клятву я сдержала.
И пошла себе прочь, не отвечая на хриплую брань из-под обрыва.

* * *

Зимней дороге не спрятаться под снегом. Пусть укроет ее сообщница-вьюга – выдадут пригнувшие прочь кусты, выдадут раздавшиеся в стороны стволы сосен. И обоз найдет дорогу, проложит по ней новую, зимнюю, звонкую колею. Утопчут дорогу копыта и сапоги, смирится дорога, перестанет таиться – разве что вздохнет про себя о спокойных осенних денечках, когда никто не решался ступить в ее непролазную грязь. И по-прежнему будет свысока поглядывать на бегущую над обрывом реку.

Зимой по здешним краям никто не ходит в одиночку. Не доставляют путники такой радости волкам и троллям. Купцы сбиваются в обозы, ведут возы под конной охраной, а одинокие странники норовят прибиться к этой медленно ползущей громаде.

Однако юноша, который брел сейчас над обрывистым берегом Тагизарны, не думал ни о троллях, ни о волках. Он боролся со сном.

Под светло-голубыми, прозрачными глазами легли тени, веки стали тяжелыми. Тянуло на обочину – лечь в мягкий сугроб, подложить лисью шапку под голову и спать, спать, спать...

Путник упрямо замотал головой, отгоняя дремоту. Умыться бы...

Эта мысль оказалась еще коварнее. Остро захотелось прямо сейчас ощутить на коже ледяную воду – чтоб замерло дыхание, а сердце пошло стучать восторженно и отчаянно...

«Как от поцелуя красавицы», – подумал юнец с умудренностью человека, дожившего до шестнадцати лет и дважды целовавшегося с девушкой.

Воспоминание наотмашь ударило по душе: прощание за оврагом и злые, беспощадные слова...

Ну и ладно. Девушек на свете много. Обиду можно пережить и забыть...

И тут же обида действительно забылась. Потому что рядом, в двух шагах – удобный спуск к реке. А у берега лежит в воде камень, чтоб на него встать. И прорубь рядом с камнем пробита. Мужики из соседней деревни ходят сюда рыбачить? Или по соседству есть избушка охотника?

Паренек спустился к реке быстро и ловко. Ни разу не поскользнулся на корке наледи ноги в стоптанных сапогах. Без опаски ступил путник на лежащий в воде камень. Опустился на колени, с удовольствием глядя на тонкий лед, затянувший прорубь. Склонился пониже – и уверенно положил на лед обе ладони.

Не ударил, не нажал – просто положил. Но ледок начал плавиться под руками. Все шире и шире от ладоней разбегалось черное пятно воды... и вот уже на темной глади в рамке из толстого сизого льда отражается довольная мальчишеская физиономия.

Парнишка расхохотался. Сорвал с головы лисью шапку, чтоб не уронить ее в воду, положил на снег. И принялся зачерпывать воду пригоршнями и плескать в лицо, нимало не заботясь о том, что облил уже полушубок на груди и крепко замочил рукава.

Наконец вскинул лицо, на котором не было уже и тени сна. Новым, ясным взглядом обвел заснеженный берег и припаянное к нему ледяное поле. И вновь жадно погрузил руки в воду, словно скупец – в сундук с серебром.

Но тут же смех его оборвался, спина и плечи застыли, напряглись.

Потому что там, в воде, кто-то мягко и сильно взял его за обе кисти.

Юноша не удивился и не испугался. С досадой прикусил губу, дернулся – но руки были прочно сжаты в мягких тисках.

– Пусти, ну! – возмутился путник. – Я же только умыться!.. Воды жалко, да?..

Мягкая неодолимая сила неспешно потянула юношу к себе. Он упал грудью на камень, яростно затрепыхался – руки были в воде по локоть – и вспомнил нужные слова:

– Заклинаю моей человеческой кровью – отпусти!

Нехотя разжалась подводная хватка.

Вырвавшись, путник уселся на камень. Он не замечал, что с рукавов полушубка текут ручейки, а овчина покрылась сосульками. Юноша сердито глядел в прорубь.

Там, на черной глади, вместо своего отражения он видел женское лицо. Некрасивое, но поражающее властностью и силой. Грубо вылепленные черты, прямые широкие брови, твердо сомкнутые губы, упрямые глаза, такие же черные и бездонные, как речная глубина. И волосы, невероятно густая и буйная масса темных волос, колышущихся вокруг лица и уходящих под ледяную корку.

Путник обиженно, по-детски всхлипнул:

– Сильная, да?.. Довольна, да?..

Сейчас он был похож на мальчишку, которого старшие ребята не взяли в игру, да еще и поколотили.

Ни слова не прозвучало в стлом воздухе. Молчали замерзшие берега, молчал серо-сизый лед, по которому ветер мел снег. Не дрогнули твердо очерченные, надменные губы женщины. Но в этом молчании был презрительный ответ, внятный путнику.

Да, сильная. Да, довольна.

Лицо в воде расплылось, растаяло, поверхность воды на глазах пошла затягиваться ледяной коркой.

– Ну и ладно! – громко сказал путник, вставая на ноги. – Не больно-то надо было...

Подобрав шапку, он принялся карабкаться по обледеневшей тропке. Подниматься было труднее, чем спускаться: мешали навернувшиеся на глаза слезы.

* * *

Уздечка из веревки была сделана с деревенской обстоятельностью: вокруг шеи за ушами лошади, узел под горлом, еще петля вокруг морды – и конец веревки как повод.

А вот человек, который вел лошадь в поводу, на крестьянина отнюдь не подходил, хоть и одет был весьма небогато. Невысокий, жилистый, с острым волчьим лицом, который пересекали два старых шрама – один на щеке, другой через переносицу... И два меча за плечами. Эфесы простые, без украшений, потертые ножны. Рабочие клинки.

А потому двое, шагнувшие перед путником на дорогу, не стали его недооценивать. Держались на расстоянии – и один сразу поприветствовал незнакомца вскинутым на прицел луком. Стрела глядела путнику в лоб.

Второй – здоровяк с мрачной физиономией – поигрывал увесистой дубиной, но близко к встречному не торопился подходить.

– Не дергайся – и будешь жить, – предупредил молодой востроглазый лучник.

– А чего мне дергаться? – без тени страха или злости отозвался путник. – Разве ж я девчонка, которой за шиворот лягушку сунули?

– Разговорчивый, – угрюмо хмыкнул здоровяк.

– Разговорчивый, – согласился лучник. – Ты, добрый человек, видать, того бродячего лекаря остановил, чтоб поболтать? А потом на память о беседе лошадку прихватил?

Без малейшего замешательства путник окинул взглядом лучника, продолжающего держать его на прицеле.

– А это ваша забота? Да чтоб мне эту лошадь слопать, если вы, парни, королевские солдаты или замковая стража.

Лучник одобрительно хохотнул.

Но его приятель был настроен не так весело:

– Это ты чего... с шавками из замка нас равнять вздумал?!

– Уймись, Тумба, – поспешно сказал лучник. – Не равняет он нас с шавками из замка...

А ты нам, добрый человек, вот что скажи. По какому-растакому праву ты на здешней дороге никому проезда не даешь?

– Ох уж и никому... – Хрипловатый голос путника звучал вполне добродушно. Сейчас этот жесткий, несомненно опасный человек похож был на волка, играющего с подросшими волчатами. – Вроде только с лекарем и потолковал.

– Врет небось... – тяжело бухнул сердитый Тумба.

– Врет, не врет – оно мне без разницы, – строго сказал лучник. – Мне вот интересно: знаешь ли ты, добрый человек, что в здешних краях только мы вдоль дорог работаем?

– «Мы» – это вы трое? – уточнил путник.

Лучник на миг растерялся, а потом хохотнул:

– Ишь, чуткий какой, волчара! Услышал, да?

И, не отводя глаз от цели, повысил голос:

– А тебе, сопляку, уши выдрать мало. Возишься, как кабан на лежбище, хруст стоит отсюда до Джангаша!

Тем временем Тумба сообразил, что вопрос остался без ответа – и путник ничего не знает о стоящей за ними могучей силе.

– Нас не трое. Мы... это... мы шайка!

– Шайка – это хорошо! – обрадовался путник. – До меня ваша громкая слава не докатилась, я издаюла, из Чернолесья. Но буду проситься к вашему костру.

– И с какой это радости? – ухмыльнулся лучник.

– А мне больше некуда податься, – объяснил путник просто.

– Я не про то говорю. С какой это радости мы тебя к своему костру пустим?

– Верно говоришь, Тетива, – солидно согласился здоровяк. – Вот я медведя на рогатину беру... лошадь на плечах поднимаю... а он может?

– А я, – с чувством собственного достоинства добавил Тетива, – могу тебе, добрый человек, всадить по стреле в каждый глаз прежде, чем ты до эфесов дотянешься.

– И все у вас такие лихие? – Путник с явной насмешкой покосился в сторону придорожных кустов, откуда до его ушей только что донесся предательский хруст ветвей.

– Все, не все – что тебе за дело? – обиделся за невидимого напарника Тетива. – Сам-то что умеешь?

– Сам-то хорошо знаю карраджу.

Тумба что-то одобрительно буркнул. Карраджу – «смертоносное железо» – древнее искусство мечников. Сам Тумба им не владел, предпочитал дубину-голубушку...

– Карраджу – это дело, – оценил Тетива. – Этак ты нам и впрямь сгодишься.

– Эй, а ты чего это решать вздумал? – ревниво вскинулся Тумба. – Ты, что ли, у нас в атаманах ходишь? К атаману его надобно вести, вот что!

– Это ты верно сказал, – признал Тетива правоту приятеля. И повысил голос: – Эй ты, телок неуклюжий, выбирайся сюда.

«Телок неуклюжий», вывалившийся на дорогу, оказался мосластым долговязым подростком лет пятнадцати.

– Возьми лошадку, – скомандовал Тетива. – Отведешь... сам знаешь к кому. Скажешь: поберечь просим.

Путник без спора отдал повод трофейной лошадки в красную от холода лапку подростка. И снова чужак показался лучнику добродушным волком среди волчат.

– А ты, добрый человек, с нами пойдешь, – строго сказал ему Тетива. – Пусть атаман решает, сидеть ли тебе у нашего костра.

* * *

– Я на своем дворе бесплатно никого не привечаю, – с головы до ног оглядел Кринаш однорукого нищего. – Пожалеешь одного,пустишь переночевать задаром, а потом набежит ватага таких, охочих до дармовщинки.

– Хозяин, да неужто выгонишь? – взмолился нищий.

– Не выгоню, ясно-понятно. Но ужин и ночлег отработаешь. Ступай на кухню, моя Дагерта тебе такую работу подберет, чтоб и одной рукой можно было управиться. Воды в бочку натаскаешь или еще что...

– Да ладно тебе, Кринаш! – раздался от ворот веселый голос. – Пусть бедняга отдохнет, я заплачу за его ночлег и ужин. Авось не разорюсь.

Забыв о нищем, Кринаш с широкой улыбкой обернулся к воротам: нагрянули настоящие гости!

Молодой человек в полушубке на волчьем меху спрыгнул с седла. Хозяин поспешил навстречу.

– Рад снова видеть моего господина в «Посохе чародея»!

– Снова? – удивился приезжий. – Ты узнал меня? Но я же в этих краях был только раз, и то давненько.

– Осенью девяносто третьего, – без запинки уточнил хозяин. – Челивис Парчовый Кошель из Рода Вайсутар.

– Верно... ну и память у тебя!

– Да как же забыть? Тогда целая толпа гостей прибыла... а я только потом узнал, что среди прочих, под дорожным именем, был сам принц Тореол, нынешний наш король!

Гость хмыкнул. «Дорожное прозвище» – это было сказано вежливо и осторожно. Да, многие принимают на время странствий прозвище, чтобы обмануть неудачу. Но принц Тореол был вынужден это сделать: он обвинялся в покушении на убийство своего дяди, короля Нуртора. Челивис и не подозревал, что путешествует в компании государственного преступника, которого судьба ведет напрямиком на престол Силурана!

– Государь этой осенью изволил побывать в наших краях – и опять завернул в «Посох чародея»! – с законной гордостью сообщил Кринаш.

– Ого! – оценил новость Челивис. – Ну, я, конечно, не король, но тоже к тебе второй раз завернул. Найдешь местечко для меня и моего слуги? Вот он – Дабунш Говорящая Наковальня из Семейства Бербал.

И обернулся к своему спутнику, который тоже успел покинуть седло и теперь держал под уздцы обеих лошадей – свою и хозяйскую.

Кринаш бросил оценивающий взгляд на слугу.

Ясно-понятно, полукровка-троль! Кринашу таких приходилось видеть. Бывает, тролли воруют женщин не для еды, а для другого... Казалось бы, какое уж тут «другое», если троль раза в два выше человека? Но говорят, что у этих громадин мелковат не только мозг...

А с этим детиной и сомнений нет. В лицо ему Кринаш глянул снизу вверх, а ведь он и сам не коротышка. И плечи у парня такие, что хоть боком в дверь проходи... а шеи не видно, круглая башка словно вбита в плечи.

Из полукровок выходят хорошие наемники, но чтоб в слуги такого брать?! Одни глаза чего стоят – злющие, как у росомахи.

Кринаш даже обернулся: на кого это Дабунш с такой ненавистью уставился мимо его плеча?.. А! Должно быть, на подошедшего к господину однорукого нищего, больше не на кого, не на хозяина же... Ясно-понятно, недоволен, что всякая шваль здесь крутится.

А Челивис тем временем продолжал добродушно:

– За этого парня, как я уже сказал, я заплачу. И за ночлег, и за еду. А мы с Дабуншем здесь несколько дней поживем. Хочу поохотиться в здешних краях... Бери, Дабунш, вещи. Хозяин покажет, куда нести.

– Дагерта покажет, – уточнил Кринаш, – а я лошадами займусь.

Большой черный пес, лежащий возле конуры, приподнял голову и негромко зарычал.

* * *

Светловолосый юноша в лисьей шапке не глядя обламывал сосульки с обледеневшего рукава полушубка. Взгляд его был устремлен на открывшуюся меж деревьями крышу постоянного двора с вывеской «Посох чародея». Юноша разглядывал ее с детским удовольствием: красивая вывеска! Паренек даже забыл обиду, испытанную недавно на берегу. И в сон его уже не клонило.

Внезапно сзади раздался голос – громкий, пронзительный, хнычущий:

– Добрый господин, пожалей старую больную женщину! Устала, ноги не идут, голод замутил... а у Кринаша даром ночевать не пустят. Придется в сугробе подышать, в кустах придорожных, волкам да воронам на радость.

Юноша растерянно оглянулся.

В двух шагах стояла толстая старуха с не по-нищенски острым, пытливым взглядом. Капюшон плаща отброшен за спину, седые космы растрепались по плечам.

Откуда взялась, как подошла-то незаметно? Дорога видна далеко, на придорожных кустах снег с ветвей не упал...

Но эта мысль лишь мельком скользнула в голове юноши. Больше его сейчас волновало другое.

Он сдернул с пояса тощий матерчатый кошелек, вытряхнул на ладонь несколько медяков и принялся пальцем передвигать их, шевеля губами. Видно было, что счету он обучен плохо.

Наконец нахмуренное узкое лицо прояснилось.

– Вот! – довольно сообщил он. – И тебе хватит, и мне.

И протянул старухе два медяка:

– Держи, бабушка. Тут не только на ночлег – на ужин какой-никакой должно хватить.

Старуха потянулась за подайнием... и на миг застыла, коснувшись руки путника.

– Что ж ты, щедрый господин, в такой холод рукавички не носишь?

– А не на что купить, – обиженно сдвинул светлые брови юноша. – Ты вот, знатная дама, тоже где-то меховые перчатки потеряла!

– Так у меня и лапы-то... – Нищенка тряхнула посиневшими от холода руками. – А у тебя – как из варежек вынуты...

– В рукавах грею... Что деньги не берешь? Или уже не нужны?

– Нужны, касатик, ой как нужны! – виновато зачастила старуха, сгребая подайние. – Хоть скажи, добрый господин, как тебя зовут, за чью доброту Безликих молить?

Лицо парня тут же вновь стало приветливым – похоже, он не умел долго сердиться.

– Имени нет, я из Отребья, – добродушно отозвался он, ссыпая оставшуюся медь в кошелек. – Мама звала меня – Дождик.

* * *

Хозяйка, крепкая некрасивая женщина с прямыми сросшимися бровями на длинном лице, привычно улыбнулась гостю:

– Господину будет удобнее, если слуга рядышком устроится, в этой комнате. Здесь у нас просторно, для уважаемых гостей эту комнату держим. Вот принесу соломенный тюфяк, положу у стеночки, одеяло дам хорошее, теплое...

– Да все в порядке, хозяйюшка Дагерта, – успокоил женщину Челивис.

Хозяйка изумленно ахнула, от удовольствия почти похорошев.

– Господин помнит, как меня зовут? Это ж сколько времени прошло...

– Три года, – скромно уточнил Челивис, не собираясь признаваться, что услышал ее имя только что, во дворе. – А с тюфяком, хозяйюшка, тебе наверх тащиться незачем, я Дабунша пришлю...

Дюжий слуга что-то буркнул, склонившись над развязанной дорожной сумой.

Приветливость и учтивость гостя завоевали сердце хозяйки.

– Скоро за стол сядем, – душевно сказала она. – Уж я расстараясь...

– Помню, – довершил Челивис завоевание, – готовишь ты отменно.

– Господин хорошо проведет время, – поспешила обрадовать его в ответ Дагерта. – Охота здесь отличная. Понятно, далеко в лес заходить нельзя – тролли и прочая гадость... но дичи столько, что к воротам зверье приходит! А коли непогода помешает по лесу бродить, так и в доме не скучно. С нами зимует бродячий певец, горластый такой, много песен знает. И побеседовать будет с кем: у нас Сын Рода остановился, тоже охотиться приехал. Обычно тут зимой пусто, как в торбе у нищего, а на этот раз – гляди-ка!..

– Сын Рода? – заинтересовался Челивис.

– Да, молоденький такой...

Что бы еще рассказала хозяйка о постояльце – осталось неизвестным: Дагерта вдруг вспомнила о куче дел, ожидающих ее, и, напомним, чтоб Челивис прислал слугу за тюфяком и одеялом, поспешила уйти.

Дабунш, вынув вещи из сумы и разогнувшись, прислушался к шагам по доскам галереи.

– Ушла, – кивнул Челивис. – Слушай, а и впрямь – зимой здесь должно быть пусто, а тут какой-то Сын Рода застрял. Охотится, ха! Знаем мы...

Договорить ему помешал тяжелый кулак, врезавшийся под дых.

Челивис, скорчившись, жадно глотал воздух. Не устояв на ногах, он грохнулся на колени, дернулся, завалился на левый бок.

Разъяренный Дабунш встал над ним, сжимая кулаки:

– Ты, падаль ходячая! За каким демоном брякнул, будто я твой слуга?

Челивис продышался и, не вставая с пола, снизу вверх бесстрашно поглядел на своего огромного спутника.

– Еще раз посмеешь меня хоть пальцем тронуть – заору! Сбегутся все, кто есть на постоялом дворе... скажу, что мой слуга рехнулся, убивать меня лезет. Не пришибут тебя на месте, троллий ублюдок, так повяжут и в подвал кинут!

– Не шибко я их боюсь... – начал Дабунш – и с запозданием оскорбился: – Это кого ты тут троллим ублюдком обозвал, битая морда?

– Ну, не себя же!.. Думаешь справиться с хозяином и его гостями?

Дабунш чуть подумал и ответил менее уверенно:

– Я тебя втихаря задавлю, не услышит никто...

– Дави сейчас! Сил моих уже нет тебя терпеть! Всю дорогу, чуть что, норовил своими кулачищами... дави! А потом возвращайся в Джангаш! Расскажи Клешне, как ты по дурости дело провалил!

– Дело? Да я сам клад сыщу. Пергамент-то при мне! – Дабунш коснулся груди. – И я... это... грамотный!

– Грамотный он! – умилился Челивис. – Ну, давай, разбирай записи! Соображай в одиночку насчет барсучьих хороводов и пьяных карасей. Не найдешь ни хрена болотного – Клешня с тебя спросит, больше-то уже не с кого будет!

Дабунш, уже собравшийся дать «хозяину» крепкого пинка, передумал, не ударил. Мысль о том, что придется держать ответ перед Клешней, была крайне неприятной.

– Ты... это... вставай, хватит валяться, – прогудел он примирительно. – А на кой ты меня слугой назвал?

– Так ведь странно, если Сын Рода приехал в глушь – и без слуги, – так же мирно отозвался Челивис, поднимаясь на ноги. – У нас общее дело: угодить Клешне. Уж потерпи.

Усмиренный Дабунш прекратил протесты и даже согласился пойти вниз за тюфяком.

Оставшись один, Челивис подошел к окну, прикинул возможность через это окно удрать в случае чего – и только потом обратил внимание на открывшийся вид: острия бревенчатого частокола, над которыми тускло белел лед Тагизарны. Берега реки отсюда видны не были, и пейзаж был не силуранский, а прямо-таки уртхавенский, не хватало только моржа на льду.

Да, если не удастся ублагоотворить Клешню, придется улепетьвать до Уртхавена. К моржам...

И дернула же Хозяйка Зла три года назад обыграть в фатимирском кабаке вот этого самого Дабунша, задави его лихорадка!

Ну, куда делось чутье Челивиса? Ведь если у тебя только и есть ценного, что знатное имя... если с детства в карманах пусто... если родители рано умерли, а прочая родня и медяком не поможет... если живешь тем, что выиграешь у простаков в «радугу»... ну, должно же у игрока быть умение разбираться в людях? Да хотя бы простое чувство опасности, а? То, что у простонародья называется «задница горит»...

Так нет же! Ничего не горело у Челивиса, когда он выигрывал одну за другой золотые монеты у пьяного громилы с рожей тролля. Золото, да! Взял Челивис в тот раз столько, что можно отгрохать дом в столице. Радовался еще: вот, мол, как прочно прижилась рядом с ним удача...

Да? Прижилась?.. Сколько лет, болван, был игроком – а только в те сумасшедшие два дня узнал, каким капризным может быть везение...

* * *

Валялся тогда, помнится, Челивис на кровати – в комнатухе на втором этаже фатимирского трактира «Кружка и блюдо». Глядел в потолок, закинув руки за голову, и размышлял о причудах удачи.

Еще вчера рядом с ножкой его кровати лежала небольшая, но увесистая кожаная сумка. А в ней – монеты, блестящие, солидные, ласкающие ладонь, если запустить руку в этот садок дивных золотых рыбок.

И Челивис, разомлев от вида добычи (самой жирной добычи, что досталась за всю жизнь бродяге-игроку) решил бросить мотаться по свету. Купить дом, заняться торговлей.

Но сначала – отпраздновать удачу! Нет, не устраивать повальную пьянку для всей улицы. Тихо и скромно порадовать душу: велеть принести в комнату бутылочку вина, закуску, пригласить девицу посмазливее.

И ладно бы дурню позвать одну из давних подружек, про которую все знаешь: и где живет, и на какую сводню работает... так нет же, поманили его синие глазищи незнакомой рыжей стервы! Челивис еще с сопливых мальчишеских лет оборачивался вслед проходящим рыжим красоткам, а эта уж так хороша была – ну, все при ней!

Мозги, как оказалось, тоже при ней. Сволочные, подлые, но отменно работающие. Челивис и выпил-то совсем немного – а сморило его, как деревенского простофилю за столом у портового вербовщика. Проснулся на рассвете – ни девицы, ни золота.

Челивис не тратил времени на брань и сетования – кинулся на поиски. До полудня мотался по Фатимиру, говорил со своднями, толковал с уличными девками... ну, никто не видел «богиню его желаний». Возникла из вечернего воздуха, цапнула сумку с золотом и растворилась в ночи.

Тут впору бы рехнуться с досады и унижения. Но добрая судьба решила утешить игрока. Столкнула его со знакомым купцом из Джангаша – а тот новость сообщил. Мол, в столице скончался дед Челивиса, наследство ждет молодого господина...

И теперь Челивис глядел в потолок и приводил в порядок мысли.

Ничего себе поиграла с ним лиса-удача, повертела хвостом! Сначала сделала богачом, потом нищим, потом снова предложила богатство...

Возьмет он это богатство, еще как возьмет, и раздумывать не станет!

Этот дед когда-то отказался от дочери, потому что она вышла замуж против его воли. И на внука даже взглянуть не хотел. По его вине Челивис никогда в жизни не знал, что такое собственный дом. По его вине стал профессиональным игроком... да что уж перед самим собой лукавить – шулером!

Челивис враждебно покосился на лежащую на столе коробку для игры в «радугу». Худо ему придется, если станет известно, что коробка у него «слоеная» – с потайным отделением, из которого при хитром броске выпадает сильный расклад костяшек. За плутовскую ловкость рук еще могут простить – ну, побьют малость да отпустят. Но за «слоеную» доску кости переломают, а могут и пришибить.

Нет, пора бросать к болотным демонам эту полунищую, опасную и никчемную жизнь. Вот завтра на рассвете Челивис оставит Фатимир и отправится в столицу...

Скрипнула дверь. Ну, что за манера у здешней прислуги входить без стука! У себя дома он заведет порядочки построже!..

– Ну и за каким демоном?.. – строго спросил Челивис, не поворачивая головы к вошедшему.

– Поговорить надо, – отозвался незнакомый мужской голос.

Челивис рывком сел на кровати.

В дверях стояла Большая Неприятность. Одна, но в двух лицах.

Одно лицо Неприятности было знакомым. Давешний громила-полукровка, в пух проигравшийся Челивису. Морда враждебная, кулаки определенно всю ночь так и не разжимались – тосковали по ребрам бедняги игрока. Сразу прошел через комнату, встал у окна.

Второй остался у двери. Ростом куда ниже своего приятеля, тощий, невидный такой. Вроде улыбается добродушно, но глаза... глаза убийцы.

Оба без оружия... ну, на виду его не держат. Но Челивис готов прозакладывать свое наследство, что у тощего нож за голенищем или в рукаве. И достать его он не постесняется. А тому, что у окна, и оружия не нужно. Так управится...

– О чем господам угодно побеседовать? – Челивис постарался, чтобы голос не дрожал.

– О вчерашней игре, – мягко сообщил стоящий у дверей гость то, в чем Челивис и не сомневался.

– Ну и что? – спросил он как можно тверже. – Игра есть игра.

– И проигрыш есть проигрыш, – кивнул незнакомец. – А только деньги деньгам рознь.

– Да? А по мне, так одинаково звенят...

– Звенят-то одинаково, да бывает, звон беду притягивает. Золотишко мы с вот этим недоумком привезли в город. И деньги эти – не только наши. Много народу расстаралось, чтоб наполнить ту суму. Это вроде как подать, только не королю.

Челивис уныло кивнул. Он уже понял, что за люди перед ним. В лесу их денежки выросли, на придорожных кустах созрели. Надо же, повезло выиграть разбойничью казну! Небось несколько шаек сбросились, привезли в город свою долю на взятки властям.

– Большие люди ждут этих денег, – подтвердил его догадку тощий разбойник. – Выигрыш, конечно, дело святое. А только нам эти деньги срочно требуются.

– Что ты с ним танцы танцуешь, Клешня? – поинтересовался от окна верзила. – Дать по башке да забрать суму...

– Захлопнись! – В голосе Клешни звякнула сталь. – Не в лесу! Мое дело – спасти наши с тобой задницы, пока из них ремней не нарезали. Мы в городе чужаки, а этот парень... почему ты знаешь, может, за него есть кому заступиться?

Челивис приосанился. Принял вид человека, за которого, безусловно, есть кому заступиться.

– Не хочу врать, – продолжал вежливый Клешня, – можем и по кочану тебя, добрый человек, тюкнуть. Великоват твой выигрыш, поперек горла может встать. Давай договоримся: ты нам сейчас возвращаешь всё, а мы с Дабуншем тебе половину этих денег частями выплатим, понемногу. Идет?

Очень возможно, что это предложение не было издевательским. Челивис знал, с каким уважением воры и разбойники относятся к проигрышам в «радугу». И согласился бы, куда деваться. Но...

– Нет у меня этих денег, парни, вот хоть все тут переверните! – Челивис приглашающим жестом обвел комнату.

– В другом месте догадался припрятать? – усмехнулся Клешня смекалке нового знакомого. – Видишь, Дабунш, а ты говорил – по башке! Хороши б мы были сейчас, если б я тебя послушался!

Челивис вздохнул и тоскливо поведал гостям о коварной ночной незнакомке.

Еще не окончив рассказ, понял, что старается зря. Его печальной истории верят не больше, чем байкам Подгорного Охотника в кабаке или жалобным повествованиям, которые каждый день выслушивает сборщик налогов.

– Да, – огорчился Клешня, – не захотел ты по-хорошему. А зря. Придется нам денежки из тебя вынимать. Монетку за монеткой. Не обещаю, что останешься цел...

– У меня точно не останется, – посулил Дабунш. – Я его... вот... вот как...

Он сомкнул гигантскую пятерню на виновнице своих бед – коробке для игры в «радугу» – и с маху грохнул ее об стол. Веером разлетелись костяшки с пестрыми рисунками – драконы, кинжалы, алмазы, подковы, морские звезды, розы...

– Тише, дурень, – поморщился Клешня... и встревоженно замолчал. Что-то странное было в том, как его приятель, склоняясь над столом, разглядывал обломки коробки.

Наконец Дабунш разогнулся – и из его глаз на Челивиса взглянула смерть.

Неписанные законы городского дна защищают игрока с его выигрышем. Но шулер, пойманный со «слоеной» коробкой, обречен.

– Клешня, – неожиданно слабым, каким-то неживым голосом позвал громила. – Клешня, глянь-ка, что тут...

От неожиданности Клешня утратил бдительность и шагнул на зов.

У Челивиса было лишь несколько мгновений – и он их не упустил.

Только что сидел на кровати, вроде как даже не помышлял о бегстве... а тут не вскочил даже на ноги, а взвился!

Проскочил мимо Клешни, вылетел на деревянную галерею, спиной подпер дверь, чтоб хоть ненадолго задержать погоню. Хотел заорать: «Грабят!» Сбежится прислуга, на людях эти двое Челивиса убивать поостерегутся, а под шумок можно будет смыться...

Но подвело перехватившее горло, не хватило в груди дыхания на крик, из глотки вырвалось лишь гусиное шипение.

И тут в дверь сзади ударили плечом.

Не знал Челивис Дабунша! Тот с одного удара дверь не открыл, а сорвал с петель, вынес напроць! Да не просто вынес, а вместе с Челивисом, который наивно пытался сдержать его напор.

Дверь и Челивис в едином порыве перемахнули узенькую галерейку, снесли перила и полетели вниз, в трапезную, прямо на широкий стол, за которым мирно ужинала большая компания.

Челивис брякнулся среди блюд и кружек. Сверху его азартно догнала и душевно накрыла дверь. Взвять бы от боли, да жизнь на кону!

Беглец ужом вывернулся из-под двери. Краем глаза увидел Клешню и Дабунша, спешащих по ступенькам с галереи. Быстро глянул в ошарашенные лица «сотрапезников». Мелькнуло воспоминание: «Играл с ними... кто-то шепнул: контрабандисты...»

В порыве озарения Челивис заорал:

– «Горлодеры» с обыском!

Спрыгнул со стола и ринулся к двери. Болят плечи, ребра, голова – однако ноги, хвала Безликим, целы и бегут.

А за спиной нарастал шум. «Горлодеры», они же стражники, любовью у фатимирцев не пользовались.

– А ежели с обыском, то бляху покажь!

– А ну, с дороги, клопы трактирные!

– Ты еще пихаться, «горлодер» драный?! Парни, суй его в бочку башкой! Суй, не бойся, он без бляхи! Не написано на нем, что из стражи!..

– Дабунш, ломи их по чем попало!

– Так ты драться, мать твою каленой кочергой?..

Под этот бодрый хор Челивис вылетел за дверь, скатился с крыльца... эх, до калитки далеко, а Клешня уже пробился на крыльцо, бросив своего дружка на расправу пьяным фатимирцам.

– Стой, ублюдок! На ломти нашинкую!

Ну, кто ж так останавливает беглецов? От этого обещания у Челивиса словно выросли крылья. Что там, у забора? Поленица? На поленицу, да так резво, что сидевший на заборе кот восхищенно мявкнул!

Клешня сунулся к поленице... это он зря! Сверху в него полетел град увесистых поленьев.

Может, Клешня и был грозным разбойником, но городские озверевшие дрова оказались куда опаснее мирных лесных сучьев. Удачное попадание поленом в голову – и грабитель пошатнулся, опустился на колени...

Челивис не стал любоваться этим зрелищем, а перебрался с поленицы на забор, спрыгнул на ту сторону – и ходу, ходу, пугая редких прохожих...

* * *

Челивис усмехнулся, отошел от окна, сел на кровать, накрытую стеганым одеялом.

Сейчас вспомнить, так даже смешно. А тогда было не до смеха. И когда прятался до утра по городским закоулкам. И когда выбирался из города, зная, что у всех ворот его нехорошо ждут.

Ничего. Вывернулся. А в голенища сапог было заранее зашито по золотой монете: кто же знает заранее, когда судьба захочет дать пинка...

Пинок ждал уже в Джангаше: столичные родичи успели заполучить наследство, а Челивиса и на порог не пустили.

И опять завертела-закружила дорога: город за городом, трактир за трактиром, и везде грохот костяшек в коробках, и везде чужие рожи, и везде монеты, которые не держатся в кармане... Завилась дорога в кольцо, снова привела в Джангаш... и вот тут-то лиса-удача показала игроку свои крепкие белые зубы.

На улице, рожей к роже, столкнулся он с громилой Дабуншем. И счастливый разбойник сообщил недобитому шулеру, что до сих пор хранит обломки той «слоеной» коробки – чтобы при встрече заколотить их Челивису в задницу.

Оказалось, что три года назад Клешня все-таки выкрутился из передраги сам и вытащил Дабунша. Молодец, кстати. Таковую сумму за короткий срок раздобыть – это уметь надо. Видать, не все мозги ему Челивис отбил поленьями.

Головастый грабитель за три года не только не примерил на шею удавку палача, но еще и добился в воровском мире уважения. По лесу больше не шляется, перебрался в столицу и стал у тамошнего ворья крупной зверюгой.

Вот к этой крупной зверюге Дабунш и приволок Челивиса.

Клешня обрадовался шулеру, как родному. Оказывается, он тоже не забыл фатимирскую историю. И за три года успел придумать для сволочи со «слоеной» коробкой несколько новых, весьма интересных способов казни. Так не угодно ли почтенному Сыну Рода самому выбрать один из этих способов?

Способы, безусловно, были хороши все до единого. Челивис обливался холодным потом, пока Клешня перечислял их спокойным, учтивым голосом.

И пропасть бы Челивису, сдохнуть поганой смертью... Спасла забавная безделица, которую за два дня до того он выиграл у одного чудака. А в придачу к безделице прилагалась легенда, в которую чудака, похоже, искренне верил.

Челивис горько усмехнулся, вспомнив, как, спасая свою шкуру, с интонациями заправского сказителя преподносил эту легенду Клешне и Дабуншу, слушавшим с законным недоверием.

«Пять столетий назад стояла в лесной глухомани Кровавая крепость, приют восьми злобных Ночных Магов. Вы оба, конечно, не раз слышали про их злодеяния – и про то, как великий чародей Шадридаг Небесный Путь во главе непобедимой армии взял крепость штурмом и предал смерти ее властителей. Но мало кто знает, что незадолго до великой битвы недобрые колдуны, чуя близкую беду, решили на всякий случай спрятать вне стен Кровавой крепости свое сокровище. Что это было – никому не ведомо. Может – золото и драгоценные камни. Может – чародейские талисманы, которым нет цены... Ночные маги спрятали клад на берегу Тагизарны и наложили на него охранные чары. Эти чары действовали только летом... почему – не спрашивайте: разве я маг? Зимой клад по велению магов охраняли их верные слуги – тролли. С тех пор год за годом тролли приходят на берега Тагизарны и караулят то, что вверили им мертвые хозяева. Давно уже поросли травой развалины Кровавой крепости, а тролли до сих пор...»

Тут Дабунш, охотно повинувшись выразительному жесту Клешни, врезал рассказчику. А сам Клешня мягко поинтересовался: какое, мол, отношение имеют эти детские сказочки к серьезному разговору?

Когда Челивис смог говорить, он продолжил вдвое убедительнее: дескать, зарывал клад по приказу магов некий верный слуга. Он спасся после разгрома Кровавой крепости, бежал и стал вести мирную жизнь, скрывая свое прошлое. Но по памяти начертил карту заветного места, где спрятал клад, записал в хитроумных выражениях объяснение, как искать сокровище, и оставил карту сыну. Пять веков хранился пергамент у его потомков. А недавно последний из семьи, скромный столичный писец, снял с пергамента несколько копий – для сохранности.

Да только сохранности не получилось: проболтался дурень кому-то по пьяни. Вскоре писца убили, а карты расползлись по всему Джангашу...

Клешня двумя пальцами брезгливо поднял найденный у Челивиса пергамент, осмотрел карту и с выражением прочел Дабуншу про «зубы реки», «улыбку рыси» и прочих таких «пьяных карасей». Дабунш заржал.

Челивиса спасло то, что он в отчаянии закричал: «Да вы на постоялом дворе, где я живу, спросите! У хозяина! Я же в дорогу собирался!..»

Он и в самом деле, повеселившись вволю над выигранным пергаментом, поинтересовался у хозяина, сколько стоит пара лошадей под выюки и можно ли нанять охранника, чтоб сопровождал хозяина в лесную глушь. Так спросил, шутки ради. Приятно было почувствовать себя бесстрашным охотником за древними кладами.

Клешня задумался. Отложил удовольствие расправы над пленником, велел Дабуншу все проверить. А после проверки поинтересовался: не хочет ли поганый шулер выжить?

Поганый шулер выжить хотел, и даже очень...

И вот он на постоялом дворе, под присмотром Дабунша и с повелением Клешни: хоть из шкуры вылезти, но найти сокровище. А не то, мол, с него эту самую шкуру по лоскутку снимут... Удрать можно, но опасно. Зима, глухомань, места нехорошие. В одиночку далеко не уйдешь, да еще проклятый громила тарашится, как сыч на мышонка...

Челивис криво усмехнулся. Самое смешное и нелепое – то, что ему не так уж и хочется удирать. А вдруг поблизости лежит несметное сокровище, дожидается умного и отважного человека? А он, Челивис, пройдет мимо – и всю жизнь будет сожалеть об этом?

Сбежать от громилы можно будет, когда подвернется удобный случай. А пока – почему не поискать клад?

* * *

Ворота были распахнуты, словно хозяин ждал обоз или кавалькаду всадников. Дождик восхищенно покрутил головой, оценив, как открыто и бесстрашно говорит постоялый двор о своем гостеприимстве. Прямо-таки кричит ртом ворот: «Заходите, люди добрые, – а злых мы не боимся!»

Старая нищенка издали радостно замахала рукой кряжистому седому мужчине со шрамом на лбу, который, по-хозяйски важно заложив ладони за пояс, глядел со двора на подходящих путников.

– Здравствуй, Кринаш, сто лет жизни тебе и кучу денег! Уж приветь, обогрей бездомную старушку... не спустишь собаку, а?

– Здравствуй и ты, бабка Гульда, – без особой радости отозвался хозяин постоялого двора. – Проходи уж, пока я от великого счастья не помер.

Старуха не заставила просить себя дважды и бойко затопала через двор, на ходу громко жалуясь на свою разнесчастную жизнь – бездомную, голодную, холодную и насквозь одинокую.

Сунулся было следом и Дождик, но был остановлен преградой – невидимой, но очень даже ощутимой. Юноша в недоумении поднял руку – под пальцами было что-то упругое, прозрачное...

Бабка Гульда замолчала, обернулась, глянула на своего недавнего спутника.

И Кринаш глядел на Дождика – холодно, с неприязненным удивлением.

– Хозяин, – испуганно пискнул тот, – почему я к тебе на двор зайти не могу?

– Да, – негромко и враждебно ответил хозяин, – вот и мне интересно: почему ты ко мне на двор зайти не можешь?

В памяти Дождика зазвучало услышанное где-то в пути: «К Кринашу без его дозволения не войдет ни Подгорная Тварь, ни оборотень, ни упырь, ни лесовик...»

«Но при чем тут я?!» – чуть не закричал Дождик. Но не крикнул. Понял – при чем... Голубые глаза, прозрачные, словно талая вода, наполнились слезами. Захотелось сказать хозяину что-то злое, обидное.

Но тут заговорила бабка Гульда.

– Кринаш, да пусти ты мальчонку, – спокойно посоветовала она. – У него есть деньги, я сама видела.

Видать, не так уж проста была старая нищенка. Что-то значило ее слово для хозяина постоянного двора.

Кринаш перевел взгляд с женщины на незадачливого гостя и медленно сказал:

– Ну... заходи, коли так...

* * *

Когда меж вершин деревьев мелькнула вывеска постоянного двора, Литисай даже не оценил ее красоты: именно в этот миг его осенила мысль – полезная, своевременная и, возможно, даже способная поднять его авторитет в крепости.

Ограбленный бедолага послан ему самими Безликими! У них в крепости нет целителя, верно? И добыть его негде? Так нанять этого, бродячего... как там его зовут?.. Вряд ли он великий мастер своего дела, но хоть что-то должен уметь!.. Если подвернется другой, получше, этого всегда можно уволить.

Литисай обернулся к тележке, в которой сидели рядышком встреченный бедолага и наемник Вьягир. Наемник правил запряженной в тележку рыжей кобылой, а лекарь, уже опомнившийся от своих невзгод, перебрасывался шуточками с ехавшими рядом Румрой и вторым наемником.

Да, а как второго-то зовут?.. Ой, стыдно. Дарнигар должен знать своих солдат... А, точно: Стебель из Отребья!

То, что удалось вспомнить кличку наемника, Литисай расценил как маленький подвиг, и настроение у него поднялось.

Он хотел окликнуть лекаря, но тут Румра, пришпорив чалого, оказалась рядом.

– Слышь, дарнигар, я Барикая к нам в крепость наняла. Раз нет лекаря получше, так и этот сойдет. Он с радостью согласился – чем зимой от деревни к деревне шляться под носом у троллей и волчьих стай.

Литисай сглотнул комок, вдруг застрявший в горле.

Она все сделала правильно. Побери ее Многоликая, она опять все сделала правильно. И она опять опередила Литисая. Ну, не мог же он на потеху солдатам заорать: «Я здесь за Хранителя, я хочу сам лекаря нанять!»

Разумеется, ничего подобного молодой дарнигар не проорал. Отозвался весело и приветливо:

– Вот и славно. Будет в Шевистуре первый человек, который подчиняется напрямуюлевой Руке.

Румра ухмыльнулась.

Тут как раз деревья расступились. А за ними – ограда, распахнутые ворота... и...

Литисай ахнул:

– Румра, гляди... это мне мерещится? Может, твой лекарь мне какую-нибудь микстуру даст – мозги прочистить?

Женщина расхохоталась.

– Да нет же, это катапульта! Настоящая катапульта! Там, за частоколом, земляная насыпь, вот она, голубушка, так высоко и торчит. Хозяин ею троллей пугает. И боятся, морды людоедские!

– Где ж он ее раздобыл?

– Нам правды не скажет. Но я слыхала, что катапульта бросила наша армия, когда улепетывала из-под Найлигри... ох, извини...

– Да ладно, – улыбнулся Литисай, в душе весьма польщенный. («Румра помнит, что я был под Найлигримом!») И тут же напрягся, что-то прикидывая в уме:

– Армейская катапульта, э?.. Может, нам ее... того... вернуть?

– И думать не смей! – хмыкнула Румра. – Тебе это нужно – врага нажать? Кринаш в здешних краях – человек не из последних. Сам подумай: его тролли боятся!

* * *

– Хозяин, – быстро спросил Дождик, глядя на подъезжающих к воротам всадников, – можно, я на тебя поработаю? Лошадей обиходить, то да се... у меня с деньгами туговато.

Кринаш искоса глянул на странного гостя – и кивнул.

Этой осенью он при удивительных обстоятельствах лишился двоих рабов, а новых не имел случая купить. Кринаш дал знать в деревню Топоры, где почти все мужики у него по шею в долгах, чтоб прислали кого-нибудь подсобить, но пока никто не пришел. Сейчас по хозяйству помогала лишь девчонка Недотепка, существо несуразное и мало полезное. Так что пусть паренек потрудится...

Всадники въехали во двор. Следом вкатилась тележка, в которую была впряжена рыжая кобыла. Веселый гам, суета, лошадей ведут в конюшню, тележку закатывают под навес.

– А лошадке-то хомут мал, – сказал Дождик, выпрягая кобылу. – Шею намяло, надо березовым дегтем...

– Не моя лошадка, – вздохнул лекарь, – Моя разбойника возит.

– Рыжуха вообще в хомуте не ходит, – сердито буркнул один из наемников. – Дайте дегтя, я сам смажу...

Видя, как споро и ласково обходится Дождик с лошадьми, Кринаш спросил доброжелательно:

– Деревенский? Или в городе при конюшне научился?

– Деревенский, – с улыбкой ответил юноша. – Мы с мамой батрачили по деревням. А весной мама умерла...

Тут улыбка сошла с лица юноши, он отвернулся, старательно обтирая пучком соломы бок гнедого жеребца.

Кринаш остро глянул ему в спину.

«Предложил бы я тебе, паренек, поработать у меня хоть до весны... да надо сначала узнать, почему ты в мои ворота не мог войти».

* * *

В жарко натопленной трапезной гости сбросили плащи. Лекарь Барикай даже рот разинул, увидев, что высоченный, крепкий воин, которого он всю дорогу называл «господином», оказался женщиной. Да какой еще видной бабой! Осанистая, с высокой грудью (сейчас даже непонятно, как такое богатство укрывалось в складках плаща). Лицо с мороза разрумянилось, глаза весело блестят, вокруг головы короной русая коса...

«Лет этак двадцать семь или двадцать восемь, ровесница моя», – прикинул лекарь и поспешил стащить с себя дурацкий рогожный мешок, который напялил на дороге, чтоб не замерзнуть. Как многие мужчины невысокого роста, Барикай любил крупных женщин.

Будущая служба в крепости Шевистур казалась лекарю все более привлекательной.

А Румра взмахом руки подозвала Барикая:

– Я тебе выдам малость денегат в счет будущей платы, а со здешним хозяином сам разбирайся.

Барикай обрадованно закивал.

Румра сняла с пояса кожаный кошелек и, держа его на ладони непослушной, с негнушания пальцами правой руки, левой привычно и сноровисто распустила завязки. Пока женщина отсчитывала серебро, лекарь остро и цепко глянул на бугристый бурый рубец во всю тыльную сторону кисти.

Взяв с ладони шайвигара монеты, Барикай шагнул назад. Женщина тут же отвернулась, заговорила с одним из наемников.

А лекарь коснулся своей груди – небрежным, вроде бы случайным жестом.

«Чего тебе? – сварливо зазвучал не в ушах его, а прямо в голове знакомый хриплый голос. – Нет больного, так и нечего меня дергать... Ну, что ты пялишься на ту корову в мужских штанах? Тебе бы такое здоровье, как у нее».

– А... рука? – беззвучно, одними губами произнес Барикай.

«А что – рука? Рассечение сухожилий. Врачебное искусство бессильно».

– Но я думал, Астионарри... ты...

«Волшебник я, что ли?.. Не смей тревожить меня попусту!»

Голос замолк. Барикай криво усмехнулся.

Жаль. Так славно было бы помочь этой величественной красавице...

* * *

Снега здесь легло не так чтоб очень, и здоровяк Тумба, бредущий впереди, лавировал меж старых сосен, сучья которых обросли бородами лишайника. Разбойник безошибочно находил видимую лишь ему одному тропу.

Чужак, идущий за Тумбой след в след, не отставал. Походка его была легкой, волчьей, и шагающий за ним Тетива время от времени одобрительно усмехался: сразу видно – человек к лесу привык.

Тетива уже не ждал от чужака подвоха, но лук и стрелу держал наготове.

Внезапно Тумба нарушил молчание, длившееся с того мига, как свернули они, все трое, с лесной дороги на еле заметную лесную тропинку.

– И не жди, что тебя запросто к костру посадят. Еще покажешь, на что ты мастер.

– Атаман – мужик строгий? – с интересом спросил чужак.

Позади послышался смешок. Чужак обернулся, но парень с луком принял серьезный вид и ответил мрачно:

– Атаман – зверюга. Как предстанешь пред очи, проглоти язык и дыши через раз.

Чужак призадумался.

Тут сверху раздался свист и оклик:

– Эй, Тумба, кого ведешь?

– Хорька поймали, – без удивления откликнулся Тумба. – На тракте хорьковал.

– И что, на дороге нельзя было разобраться? – поинтересовались сверху.

– Тут нужна башка поумнее моей, – сообщил Тумба куда-то ввысь.

– Поумнее твоей? – насмешливо изумились сверху. – Ой, да где ж такую взять? Разве что к королевскому двору послать за главным советником... или в кустах ворону поймать!

– Ладно, слезешь... – веско посулил Тумба – и хихиканье в небесах тут же смолкло.

Чужак тем временем обшаривал прицельным взглядом высившиеся вокруг сосны.

– Толково сделана засидка, – оценил он. – Снизу не видать. Подходы к лагерю, стало быть, охраняете... головастый у вас атаман.

– У атамана на плечах не горшок с кашей, – солидно подтвердил Тетива.

Тропка, вильнув в сторону, скрылась меж поднявшихся с двух сторон скал, изъязвленных пятнами мертвого мха.

– Как атамана-то кличете? – поинтересовался чужак.

Тумба, не оборачиваясь, бросил:

– Уанаи.

Если чужак и удивился (имя не имя, кличка не кличка!), то предпочел удивления своего не показывать. И все трое молчали до тех пор, пока скалы не расступились, открыв лощину, на дне которой стояли две длинные избы. Вокруг сновали люди: кто колот дрова, кто нес в ведрах воду, кто разводил большой костер, кто свеживал оленя.

– По-королевски живете, – одобрил чужак. – Мы-то в Чернолесье норовили на зиму куда-нибудь приткнуться, а не то в шалашах зубами лязгали.

– Всё Уанаи, – с законной гордостью объяснил Тумба.

Чужак промолчал. Ему все больше хотелось познакомиться с этим самым Уанаи...

Лагерь встретил гостей веселым гомоном. Забыта была оленья туша, оставлена рубка дров. Из домов к костру бежали разбойники.

«Человек двадцать, не меньше, – подумал чужак, – а ведь наверняка не все здесь...»

Со всех сторон летели вопросы, но пленник не обращал на них внимания. Еще в юности, будучи наемником, он усвоил правило: не говори с толпой, говори с командиром.

Пока Тумба громогласно рассказывал о поимке хорька, гость старался не пялиться по сторонам. Знал: лесная братия не любит слишком остроглазых...

– Зачем было хорька в лагерь вести? Всех спалить хотели? – спросил строгий голос.

Чужак бросил взгляд на говорящего – и тут же отвел глаза.

Вот этот тощий старик и есть хваленый Уанаи? Лицо неглупое, но, чтобы удержать в подчинении разбойников, мало одного ума. Стая подчиняется силе...

– У нас Тумба за старшего был, он и решал, – поспешно спихнул с себя вину лучник.

– Нашел старшего! – хмыкнул старик. – Да Тумба правую руку от левой не отличит!

– Зато он хоть с правой, хоть с левой так может врезать, что сразу – на костер, – парировал лучник. – Сам ему приказывай, а я еще пожить хочу.

– Да вы не спорьте, почтенные, – спокойно и твердо вмешался чужак. – Хорьковал я по ошибке: не знал, что у здешнего тракта хозяева есть. Теперь знаю – и по лесному закону прошусь к вашему костру.

Толпа заинтересованно загалдела.

– К костру? – с сомнением протянул старик. – Ты это нашим остолопам на дороге сказал? Поэтому они у тебя и мечи не взяли?

– Угу, – подтвердил Тумба, не обидевшись на «остолопа».

– Ну-у, – протянул старик, не сводя глаз с мечей за спиной гостя, – это вы, конечно, сглушили... Но ведь и то сказать: плох разбойник, который этак просто отдаст оружие.

– Угу! – возликовал красноречивый Тумба.

– Словом, как Уанаи решит, так и будет, – подвел итог разговору старик. – Прикажет – так хорек из лагеря живым не уйдет... ну, и не спалит никого.

«Так это не атаман?» – удивился про себя гость. На слова «из лагеря живым не уйдет» он не обратил внимания. И так было ясно, что если не удастся прибиться к ватаге, прорываться на волю придется с боем.

– А где добыча? – послышался за спиной щебечущий, легкий голосок.

Чужак изумленно обернулся. Ребенок в разбойничьем лагере?!

Нет. Не ребенок. Кажется, все-таки взрослая женщина, только маленького роста. И до того приметной внешности, что чужак широко распахнул глаза.

Матовая гладкая кожа. Правильные, тонкие черты – лицо фарфоровой куклы. Глаза прозрачной голубизны. Снежно-белые короткие волосы. И тонкий завиток татуировки, сбегающий по виску.

Разбойнику никогда не приходилось встречать ксуури – жителей далекого загадочного Ксуранга. Но слышать о них доводилось. Ошибиться тут было невозможно.

– Добыча? – почтительно переспросил Тетива. – Которую хорек взял? Куртка да шапка на нем сейчас, – кивнул он на пленника, – а лошадь я к тестю Гипаша велел отвести, на охотничью заимку. Не тащить же ее в лагерь!

– Правильно, – кивнула ксуури.

Чужак быстро сообразил: если с бабенкой говорят этак уважительно – стало быть, она тут не для общей утехи. Надо полагать, подружка этого самого Уанай. Одета хоть и по-мужски, но чисто и ладно: полушубок явно шит по мерке, сапожки тоже не с чужой ноги. Наряжает ее вожак – стало быть, ценит свою бабу. И ссориться с нею ни к чему.

А потому гость попросил учтиво:

– Девонька, сбегай за атаманом, а?

И не понял, почему толпа грохнула дружным хохотом.

Не рассмеялась только странная маленькая женщина.

– Здесь командую я, – прощепетала она. – Называй меня Уанай, на языке ксуури это означает «изгнанница»... А как мы должны называть тебя?

Разбойники вокруг продолжали ржать.

Чужак сдержал ухмылку.

Над ним решили подшутить? Ладно, пусть. Для первого знакомства лучше смех, чем враждебное молчание. Если шутка не злая, грех ее не поддержать.

– Здравствуй, атаман Уанай, – почтительно поклонился чужак забавнице. – Зови меня Подранком, как в Чернолесье звали.

Скользнул взглядом по толпе и добавил уже не для девушки, а для всей шайки:

– Я не из Отребья. Имя есть, да не хочу его мусолить в лесных странствиях.

Усмешки стали сочувственными, понимающими.

– Не ты один такой, – сказал кто-то из толпы.

Менять имя – не только грех и преступление. Имя – часть человека. Сменишь его – от души кусок оторвешь. Зато взять дорожное прозвище, чтоб имя побережь, – дело обычное, многие путники так делают. А ведь у разбойника вся жизнь – скитания...

Подранок обернулся к шутнице и продолжил игру:

– Дозволь, грозный атаман, у твоего костра сидеть, с твоими людьми добычу делить.

– У моего костра кто попало не сидит, – сказала девица так серьезно, словно и впрямь верховодила в стае лесных волков. – Что ж ты, Подранок, из Чернолесья ушел? Чем тебе твоя шайка нехороша стала?

– Нет шайки, – помрачнел гость. – Один я уцелел. А одному в лесу худо. Сбесишься, зверем станешь.

Смех вокруг прекратился.

– И в деревни стало не сунуться, – продолжал Подранок мрачно.

– Понятно, – кивнула девушка. – Мужики боятся банды, а одиночку повяжут не хуже, чем стража.

– Ну, меня-то мужичье не повяжет. Я хороший мечник.

Подранок сказал это без бахвальства – так просто, словно посоветовал подбросить хвоста в оставленный без присмотра костер.

– Вот как? – склонила девушка голову набок.

Была она какой-то невесомой, прозрачной, даже полушубок не скрывал ее хрупкости. Не походила она на девицу из разбойничьей ватаги.

Шутка подзатянулась и уже надоела гостю. Но сама девушка не собиралась прекращать потеху.

– Чем докажешь, что хороший мечник? – спросила она деловито. – С двоими враз управишься?

Не для насмешницы – для окруживших их разбойников Подранок ответил:

– Управлюсь и с троими.

В льдистых голубых глазах, устремленных ему в лицо, не было даже тени смеха.

– С троими? Что ж, попробуй. Но постарайся обойтись без трупов... Гипаш, Гвоздь, Хмурый – принесите-ка мечи. А остальные – раздайтесь пошире, дайте место бойцам.

Толпа отхлынула – и в этот миг изумленный Подранок понял, что никто и не думал над ним шутить...

* * *

Какое же это наслаждение – после поездки верхом по морозцу скинуть меховой плащ в хорошо натопленной трапезной, усесться за чистый, до желтизны выскобленный стол, вдохнуть восхитительный аромат жареного мяса, плывущий от кухни, и глотнуть подогретого вина.

– Да, Кринаш, не зря про тебя слух идет, что ты умеешь принимать гостей, – через трапезную улыбнулся Литисай седому широкоплечему хозяину.

– Да неужто я для своего бывшего командира не расстараюсь? – ответно ухмыльнулся тот. Веселая застольная болтовня разом смолкла, спутники Литисая насторожили уши.

Улыбка исчезла с лица дарнигара. Он с недоумением взгляделся в хозяина постоянного двора. Резкие черты, шрам на лбу... знакомое лицо, определенно знакомое, но...

А хозяин подошел к столу и спокойно объяснил:

– Тогда-то я иначе прозывался: Шипастый из Отребья. Это позже я короля Нуртора из боя вынес, раненного... Он мне за это дозволил основать Семейство.

На дарнигара словно котел с кипятком перевернули. Шипастый из Отребья!

Да помнит он, Литисай, конечно же, помнит! Свой позор разве забудешь?

Вот сейчас Кринаш расскажет, как ему – уже десятнику тогда! – королевский советник денег дал: мол, племянника с его десятком посылают на первое боевое задание, так ты уж сходи с ним – вроде няньки, чтоб юнец глупостей не наделал...

И это при Румре, при наемниках, которые завтра по всему Шевистуру будут повторять каждое словечко!

Пока Литисай пытался сообразить, как ему выбраться из ловушки, негодяйка Румра приветливо подняла кружку в сторону Кринаша и громогласно спросила:

– Так ты был наемником, хозяин? Да еще и служил под началом нашего дарнигара? Присядь к нам, хлебни винца да расскажи!

Хозяин охотно уселся за стол.

– Ясно-понятно, расскажу, чего ж не рассказать? Я, правда, недолго в десятке был, но на жаркое дело меня командир сводить успел...

Литисай уставился в свою кружку, понимая, что перебивать рассказчика уже поздно. И что потолок им всем на голову, увы, не обрушится.

– Велено было нашему десятку, – повествовал хозяин, – снять грайанский сторожевой разъезд. Не то чтобы сложное дело – десяток на десяток... да кто же знал, что на такую подлость напоремся!

Литисай глотнул вина, хотел вмешаться в рассказ, но промолчал.

– Ночь, луна за тучами, – со вкусом продолжал Кринаш. – Едем по тропе, тихо едем, даже птицу не вспугнем, разве что лошадь какая всхрапнет на ходу. И вдруг чуем: тянет в воздухе чем-то сладким, будто цветы ночные распустились или дама духи разлила. Все сильнее

запах, все ближе – аж голова кругом идет. Ох, напаскудила нам Серая Старуха! Ясно-понятно: это ж Бродячие Кусты! Я как службу начинал, мальцом почти, такая же погань мой десяток врасплох застала, так из десятка я один выжил, на березе отсиделся. Поясом себя привязал, чтоб не свалиться...

«Ясно-понятно тебе, да? – с горьким отчаянием думал Литисай. – Это тебе сейчас ясно-понятно. А когда на березе сидел, а внизу эта мразь доедала твоих одурманенных товарищей... тогда ты очень умный был? А мне под Найлигримом семнадцать лет было! Семнадцать, понимаешь? О Подгорных Тварях я только в сказках слышал!»

– Но чем бы там ни пахло, – продолжал Кринаш, – а приказ, ясно-понятно, есть приказ, и наемник его выполнить обязан. Вот только передового дозорного командир назад к отряду отозвал. Сомкнуться нам велел, подтянуться, не спать на ходу. Мечи приказал наготове держать.

– Правильно приказал, – негромко произнесла Румра.

Литисай вскинул глаза.

Румра и оба наемника глядели на него – без насмешки, с непривычным уважением.

«Ну да, – в смятении подумал молодой дарнигар, – Кринаш не врет, я и впрямь отдавал такие команды, но ведь это он мне посоветовал... он мне подсказал...»

– Вдруг слышу, – продолжал хозяин, – лошадь впереди ржет. Да не просто ржет, а криком заходится... ясно-понятно, погибает животинка...

Литисай расслабился. Человек, которого когда-то называли Шипастым из Отребья, не собиравшись высмеивать юнца, в семнадцать лет ставшего десятником.

– И вынесли нас лошадки к глубокой котловине. Края каменные, мхом поросшие. А на дне – черная гряда. Мы не сразу и поняли, что это такое. Ну, не угадать было в этом грайанский разъезд...

– А как вы вообще эту гряду разглядели? – спросил наемник Стебель. – Говоришь – ночь, тьма...

– Это мы во тьме стояли, – печально сказал Кринаш. – А по тем бедолагам Бродячие Кусты ползали. Жрали. А когда эта мразь жрет, она светится. Не то чтоб очень ярко, вроде как гнилушки... А все-таки видно...

– Не перебивай человека! – строго сказала Стеблю Румра. И вновь бросила на Литисая взгляд, полный несомненного уважения.

Парень невольно приосанился. В конце концов, чего стыдиться? Он и впрямь стоял на краю той погибельной котловины – и не заорал от ужаса, не погнал коня куда глаза глядят... А что холодный пот по спине лился, так до того никому дела нет.

– А потом что? – поторопил рассказчика Вягир.

– А потом мы чуть не уснули, – честно ответил Кринаш. – Мудрено ли устоять, коли дышишь той отравой? Видим, как эти твари уже к нам бредут: выкинут вперед корень, вонзят в землю, точно меч, а позади себя другой вытащат и вперед перебросят.словно человек шагает... и светится...

Литисай видел то, чего не видел хозяин постоялого двора: за его спиной на пороге кухни стояла Дагерта. Ни кровинки в лице, руки к груди вскинула. Наверное, представилось ей сейчас, как тянутся хищные твари к человеку, который мог бы лечь грудой костей на краю той котловины, не встретиться ей в жизни, не стать ее мужем...

– Конец бы нам, – продолжал Кринаш, – да не поддались, очнулись. Орала всю, чтоб сон прогнать. Мечи в руках... словом, мы этим кустикам показали кусачей добычей. Не приняли они боя, отступили.

– Ишь ты, – приподняла Румра свои густые брови, – а я слыхала, что Бродячие Кусты никогда не отступают.

– Должно быть, сытые были, – развел руками хозяин.

– Не врет? – обернулась женщина к дарнигару. Серьезно спросила, без вредности.

– Не врет, – подтвердил Литисай. – Даже скромничает. Это он нам подсказал криком гнать сонные чары. Помню, сказал: «Орите, ребята, на эти кустики так, будто они вам в „радугу“ насквозь проигрались, а платить проигрыш не хотят!»

В смехе, который рассыпался над столом, не было ничего обидного.

Вернув частицу заслуженного почета Кринашу, Литисай почувствовал себя по-мальчишески довольным.

«Я ведь не соврал ни словом, верно? Бродячие кусты и впрямь ушли... Да, говорили потом люди, что этих тварей колдун по приказу короля Нуртора натравил на грайанский разъезд – потому, мол, они нас и не тронули. Но люди мало ли что брешут, а Кринаш рассказывает, что сам видел...»

– Да, – отсмеявшись, сказала Румра. – Ты, хозяин, видать, вояка матерый. И ты, дарнигар, не так зелен, как я думала. Тоже, выходит, командир бывалый да толковый...

Оба наемника кивнули: Румра сказала то, о чем они оба подумали.

Литисай почувствовал себя таким счастливым и гордым, словно сам король перед войском провозгласил хвалу его отваге.

Румра махнула жене хозяина:

– Эй, добрая женщина, у нас кувшин уже пуст!

Хозяйка мигом принесла еще кувшин, разлила вино по чашам.

Румра для большей торжественности поднялась на ноги.

– За тебя, бывший десятник Литисай! За тебя и за тех, кто с тобой в ночном лесу обратил в бегство Подгорных Тварей!

– И за меня, ясно-понятно? – хохотнул Кринаш.

– Конечно, и за тебя... – Женщина повернулась к Литисаю. – Выпьем, дарнигар!

– Выпьем, шайвигар! – счастливо и благодарно выдохнул в ответ молодой человек.

И тут в дальнем темном углу зашевелилось то, что Литисай до сих пор считал брошенным на скамью старым тулупом.

Груда тряпья развернулась, превратилась в человеческую фигуру – и на свет шагнул однорукый нищий, которого Литисай перед этим видел мельком во дворе.

– Коль за меня пьют – может, и мне винца поднесут? – заговорил он с дерзким, злым вызовом. – Или не узнаешь меня, десятник? Я ведь с тобой в ту ночь в лесу был!

* * *

На крышах обеих изб, точно воробьи, расселись разбойники: сверху виднее, а зрелище предстояло занятное.

На тех же, кто остался внизу, рявкнул широкоплечий, коренастый Гипаш:

– А ну, раздались! Кто под ногами будет путаться – в землю вколочу!

«Тяжел, неловок, – оценил его Подранок. – Силой привык брать...»

С ним, наверное, будет проще, чем со вторым, которого прозвали Гвоздем. Этот хоть в плечах не столь широк, да и ростом не особо вышел, зато карраджу явно не вприглядку изучал. Движения текучие, взгляд цепкий...

А вот третий, Хмурый... от этого не знаешь чего ждать. Чует Подранок, ой, чует: с хитростью вояка, с подвохом, вроде как «слоеная» коробка для игры в «радугу»...

Ладно, бой покажет.

Подранок скинул куртку: одежда, снятая сегодня с бродячего лекаря, была тесновата, не помешала бы драться! Он не стал крутить мечи, разминая кисти и вспоминая характер клинков. Что там вспоминать – они давно стали продолжением руки.

Уанаи, восседающая на крыльце, словно пичуга на ветке (ну, ничего атаманского в ней нет!), махнула рукой:

– Начинайте!

Больше Подранок не видел ни разбойников на крыше, ни Уанаи на крыльце. В мире остались только он и трое противников.

И ходу, ходу – плавно, неспешно... кто на месте стоит, тот покойник... да не как попало, а чтоб эта троица перед ним в одну линию встала...

– Слышь, чужак, – бодро окликнул Подранка Гвоздь, – тебе еще удрать не хочется? В свою берлогу в Чернолесье, а?

– А то мы из тебя миску киселя сделаем, – поддержал приятеля Гипаш, заходя слева.

Продолжая кружение, Подранок усмехнулся. Грайанцы, да? Выговор выдает. И привычка болтать во время боя. Ладно, как угодно господам...

– Парни, а вас не слишком мало? – приветливо откликнулся он. – Всего-то трое на целого меня...

– Это ты пока целый, – объяснил языкастый Гвоздь.

– Не нашинковали еще, – уточнил Гипаш – и вдруг сделал низкий выпад «мост через ручей», от которого Подранок ушел легко и со смешком.

И снова – по кругу, по кругу, да так, чтоб не дать навалиться втроем...

«Помотать этих голубчиков... злиться начинают – вот и славно, злитесь, милые... ага, костер за спиной, вы меня в костер гоните... Не выйдет, все я помню. Костер мы обогнем, вот так... он уже между нами...»

Гипаш и Хмурый, с двух сторон обогнув костер, со злобой кинулись на ускользящую дичь. Но хитрая «дичь» внезапно метнулась между ними – прямо в костер!

Подранок перемахнул огонь так стремительно, что одежда не успела вспыхнуть, – и оказался лицом к лицу с Гвоздем, не ожидавшим такого явления.

Всего на миг опешил Гвоздь – но Подранку этого хватило. Свистнул меч...

Сидящие на крыше разбойники завопили дурными голосами, и даже Уанаи подалась вперед при виде Гвоздя, который, не выпуская из правой руки меч, левой пытался поддержать сползающие штаны.

– Гвоздь, уйди из боя! – звонко потребовала ксуури.

– Да я сейчас пояс узлом свяжу, – попытался возразить разбойник.

– Тебе не пояс разрезали, тебе живот распороли... Уйди из боя, я сказала!

Разбойники дружно поддержали атаманшу. Кто орал, что за Гвоздем следом кишки тянутся, кто обзывал его потрошеной рыбой, кто советовал не возиться с поясом, а скинуть штаны и пугнуть чужака голой задницей. Сам Гвоздь, смирившись с поражением, хохотал громче всех.

За смехом и подначками разбойники едва не пропустили продолжение поединка. А вот Подранок его не пропустил, не сплеховал, когда ринулись на него Гипаш и Хмурый – завертелся, заплясал, уходя от атаки и азартно прикидывая, как бы обойтись без трупов. Душу захлестнуло боевое веселье: их уже двое, только двое, я их сейчас... я...

Сапог поехал по ледовой дорожке, коварно подкараулившей бойца. Подранок с маху грохнулся на спину. Здоровяк Гипаш издал торжествующий вопль и сверху набросился на упавшего чужака.

Подранок встретил его ударом в живот – обеими ногами, со всей силы. Удачно встретил! С тяжелым выдохом разбойник осел в сугроб и больше в драку не рвался.

Под крики зрителей Подранок подхватил свои мечи, вскочил и развернулся лицом к последнему противнику.

Взгляд во взгляд... и чужак понял, что шутки кончились. Его собираются убить.

До сих пор Хмурый сражался одним мечом, но теперь он извлек из ножен кинжал. Рукоять у кинжала такая же, как у меча: в виде рыбы, стоящей на хвосте. Парное оружие, стало быть. По весу сбалансировано.

Кинжал, значит? Отвлекать будешь, в ближний бой полезешь? Делаешь ставку на удар коротким клинком – «клюв дятла», так?

Бойцы медленно двигались друг против друга по кругу – не стоять, не стоять...

– Здесь лед под снегом, – дружелюбно окликнул Подранок Хмурого. – Не брякнись, как я...

(«Да очнись же, скотина, вспомни, что бой не всерьез!»)

Хмурый не ответил. От его взгляда у Подранка пропала охота говорить. Этого бой затянул в себя, как болото. Этот – убьет.

Ладно... раз ты так...

Посерьезневший Подранок двинулся вперед и влево, обходя противника волчьим шагом. Тут и драться придется по-волчьи: удар, отскок, еще удар...

Хмурый явно не новичок в карраджу: корпус оттянул назад... это чтоб к нему мечом тянуться, да? Не дождется! А вот ему по бедру клинком плашмя, да от души!..

Разбойник, которого подловили, как мальчишку-ученика, озверел и ринулся в атаку, целясь в голову – «летняя молния», такой удар убивает на месте...

Мог бы убить. Если бы Подранок не ждал атаки. Он не стал отбивать удар – нырнул под вскинутую руку, такой нырок называют «изнутри-наружу». И противник к Подранку уже не лицом, а боком, нелепо провалившись вслед за ударившим по воздуху мечом... и не успевает он обернуться, кто же ему позволит оборачиваться?..

Два острия легко клюнули сзади шею Хмурого.

– Клинки в ножны, – тихо, но властно сказал Подранок. – И руки с эфесов.

Лишь мгновение помедлил Хмурый – и оба его клинка, тихо зашипев от досады, скользнули в ножны.

Тут же окружающий мир возвратился – и обрушился на Подранка. Обрушился восторженными воплями, хлопками по плечам (и когда разбойники успели сбежаться?). Орала зрители, орал Гвоздь с большим узлом на поясе, пытался орать Гипаш, уже вставший на ноги, но еще держащийся за живот. Улыбалась Уанай, глядя, как приветствуют ее люди того, кто перестал быть чужаком.

А в душе Подранка, еще не отошедшего от ритма боя, взметнулось лихое: вот сейчас, именно сейчас, когда все восхищаются тобой... вызвать на поединок атаманшу – не откажется, не позволит обычай! Девчонку от земли не видать... убей ее – и ты вожак...

Чем выдал себя Подранок? Закаменели скулы? Стал жестким взгляд?

Уанай перестала улыбаться. Шагнула к разбойнику, снизу вверх заглянула в глаза...

Сильного, жесткого, уверенного в себе человека вдруг затопила волна восторженного преклонения перед этой невероятной женщиной. Королева, истинная королева... за такую что убить, что умереть – все едино... по одному слову, по взгляду, по взмаху светлых длинных ресниц...

Подранок коротко вздохнул и упал на колени в снег перед своей повелительницей.

Уанай понимающе улыбнулась:

– Принимаю твою службу, Подранок из Чернолесья!

Шагнула назад – и тотчас наваждение исчезло.

Подранок стряхнул морок мгновенно. Уже поднимаясь на ноги, понял, что с ним было. Не разъярился, не затаил месть – лишь усмехнулся:

«Так она ведьма? То-то шайку в кулачке держит! Что ж, такой служить не зазорно».

Никто из разбойников не понял, что произошло. Все приняли и жест Подранка, и слова атаманши за шутку. И продолжался дружеский гвалт, и Подранка уже тащили к костру – мясо еще пока зажарится, а выпить надо прямо сейчас, никак нельзя не выпить за такую славную драку, это ж как парень всю шайку распотешил да порадовал...

Только Хмурый так и стоял спиной к веселому гаму, опустив руки, словно окаменев.

* * *

– Я за себя выкуп внести не смог... – Однорукий нищий покачал чашу, глядя, как пошла маленькими волнами красная влага. – И отправили грайанцы меня в рудник.

Он в несколько глотков осушил чашу.

Литисай глядел на нищего с недоверием и непонятной темной тоской.

Неужели это Ланат Ночной Корень, злой насмешник Ланат, крепко потрепавший когда-то нервы молокососу-десятнику?

Нет, Литисай никогда не мог доказать, что именно Ланат выводил на заборах и стенах дурацкие вирши, вроде «Не слишком умен и не то чтобы стар – зато наш десятник из Рода Хасчар!» Или малевал не менее дурацкие рисунки: из колыбели выглядывает карапуз с огромным мечом в детской лапке. Не поймать было мерзавца за руку, не ткнуть носом в паскудные художества.

Или если наемники, столпившиеся вокруг поганца Ланата, время от времени раздражаются хохотом – отсюда ведь не обязательно следует, что языкастый наглец плетет байки именно про десятника.

Конечно, командир поопытнее Литисая враз поставил бы дерзкого наемника на место. А Литисай изо всех сил старался не замечать выходки Ланата. Боялся показаться смешным. И гаденыш, которому всего-то было на год больше, чем десятнику, этим бессовестно пользовался...

– Там, под землей, – хмуро продолжил нищий, вновь принявшись покачивать опустевшую чашу, – я руку и оставил. Обвал был, меня засыпало. Отрыть отрыли, но рука – в кашу, оттяпали мне ее. Выжил – послабление мне вышло: запрягли в тележку, пустую породу наверх откатывать... Нет, и вправду послабление: хоть время от времени небо видел и чистым воздухом дышал. А в девяносто третьем году король Тореол, дай ему Безымянные здоровья, женился на светлой королеве Фаури. И на радостях выкупил из плена всех силуранских бойцов, что в грайанское рабство угодили. Три года под землей, не чаял на волю выйти – а дожил все-таки. Денег ни гроша, руки нет, идти некуда – а все же сам себе господин. Брожу по свету, свободе радуюсь, милостыню клянчу... раз уж нет у меня богатой и знатной родни, чтоб из плена выкупила и ковер под ноги постелила – иди, мол, по жизни да не спотыкайся!

Литисай задохнулся от унижения. Это было – словно пощечина наотмашь! Он замешкался на несколько мгновений (отвечать – или сделать вид, что к нему это не относится?). И этими мгновениями спокойно и властно завладел Кринаш:

– А ты, парень, только по коврику ходить можешь, без него на первой кочке споткнешься? Ты о чем думал, когда в наемники шел? Уж такое ремесло – каждый сам за себя отвечает. Убили наемника, ранили, в плен взяли – его риск. Никто за него хлопотать не станет – ни десятник, ни сотник, ни дарнигар... а что король тебя выкупить изволил, так скажи спасибо, потому что и король выручать тебя не обязан!

– Это так, – задумчиво кивнула Румра.

– Так-то так, – огрызнулся нищий, – да только обидно, что о ком другом заботятся, как о принце наследном.

– А ты не завидуй! – отрезал Кринаш. Впрочем, тут же его голос подобрел: – Я вот тоже о тебе заботиться не обязан – а хочешь, еще вина плесну?

– Плесни, хозяин! – охотно протянул ему чашу нищий.

Литисаю захотелось по-мальчишески разреветься. В кои-то веки наемники глядели на него с уважением, а бывалая, грозная Румра предложила выпить за его боевое прошлое... И надо же было из этого самого прошлого появиться насмешнику Ланату! Несколько слов – и

Литисай из боевого командира снова превратился в знатного молокососа, которого дядюшки заботливо продвигают по службе.

И опять, как в том ночном лесу, его выручил Кринаш...

* * *

После одинокого скитания по зимнему лесу – веселая пирушка у костра, под дружеские шутки и пьяные песни новых приятелей по шайке... нет, жизнь у Подранка определенно налаживалась.

Хоть и зима, а в избу разбойники не пошли: чего в духоте томиться? Устроились у длинных козел, накрытых досками. Горячая оленина истекала жиром и мясным соком, а уж парок над ней курился до того аппетитный, что у голодного Подранка даже голова закружилась.

Отхватывая от доставшегося ему ломтя оленины кусок за куском белыми, крепкими зубами, Подранок слушал, как разбойники на все лады обсуждают схватку новичка с троими бойцами. Громче всех восхищались Гипаш и Гвоздь, сидевшие рядом с недавним противником. А вот Хмурого за столом не было – он взял кусок мяса и ушел в избу. Скверно, конечно, в первый же день в ватаге нажать себе недруга... а впрочем, демоны с ним! Хочет дуться – пусть дуется.

Гвоздь подметил взгляд Подранка, брошенный вслед Хмурому.

– Злится! – понимающе кивнул разбойник. – Много о себе понимает. Раньше, поговаривают, у него самого небольшая шайка была... да сплыла. Да еще он до твоего прихода тут лучшим бойцом считался.

– Лучший боец? Он? – удивился Подранок. Ему Хмурый не показался таким уж мастером. Тот же Гвоздь и двигается проворнее, и соображает в бою быстрее.

– Лучший, если не считать Уанаи, – сказал Гвоздь просто, как о чем-то само собой разумеющемся.

– Она еще и драться умеет? – покосился Подранок на колдунью-ксуури, сидевшую на дальнем конце скамьи.

Уанаи ела неторопливо и очень аккуратно, насадив кусок оленьего сердца на нож и откусывая понемножку.

– Да как же ей не уметь драться? – удивился Гвоздь. – Мы ж ее атаманшей признали не за голубенькие глазки!

– Тогда две шайки объединялись, – подхватил Гипаш. – У речных пиратов капитан погиб, корабль сгорел – вот мы и порешили вместе в лесу хозяйничать.

– Правильно, – одобрил Подранок. – Чем друг у друга добычу перехватывать...

– Вот-вот. Загвоздка была в одном: кому верховодить? Шло к тому, что атаманом будет Комель... был у нас такой, зверюга зверюгой. Но тут невесть откуда появилась эта кроха и с ходу по всем правилам бросила Комлю вызов. И тут же, на месте, его убила. А был мужик куда покрепче меня... пожалуй, даже сильнее Тумбы.

– Ну, это ты брось, – поправил приятеля Гвоздь. – Сильнее Тумбы – это вряд ли. Зато был злобный и бесстрашный, как бешеный кабан.

– И такого дядю одолела эта птаха? – усомнился Подранок.

– Вот весь отряд не даст соврать! Она ему глаза пальцами выбила. А потом ребром ладони перебила горло.

Ошеломленный Подранок невольно бросил взгляд на дальний конец стола.

– А потом один из пиратов бросил ей вызов, – подхватил рассказ Гипаш. – Гвоздище, подсажи, как второго покойника звали, а то я запомнил.

– Сом.

– Во-во, Сом. Эта пигалица ему сказала, что у него рукоять меча раскалилась добела. Да так сказала, что он поверил – взвыл, уронил меч. Ну, она его и зарубила.

– Мало того что поверил, – уточнил Гвоздь, – у него и ладони были в волдырях, словно и впрямь каленое железо цапнул.

– Она такая, – уважительно сообщил Гипаш. – Ежели скажет, что у тебя хвост вырос, ты враз согласишься и задницей вилять начнешь.

Чуть помедлив, Подранок кивнул. Еще свежо было воспоминание о том, как взгляд спокойных, приветливых глаз вызвал у него порыв бешеного восторга и готовность умереть за маленькую хрупкую ксуури.

– А почему она величает себя изгнанницей?

– Ее выгнали из Ксуранга.

– За что?

– А мы не знаем. Говорит: за многочисленные преступления.

Подранок удивленно покачал головой.

– А уж до чего отчаянная! – продолжал Гвоздь нахваливать атаманшу. – Осенью один из наших... вон, видишь, лысый, что хворост в костер подкидывает, Курохватом его кличут... Так он осенью попался замковым шавкам. Есть тут Замок Трех Ручьев, властителем там Сын Клана Спрута.

– Слышал, – кивнул Подранок.

– Вот в замковую темницу Курохват и угодил. А наша хозяйюшка с двумя парнями пробралась в замок и вытащила Курохвата. Уж такая лихая – ну, ничего не боится!

– А я знаю, кого она боится! – ухмыльнулся Гипаш.

– Кого? – заинтересовался Подранок.

– На постоялом дворе у Кринаша зимует певец, – хохотнул Гипаш. – Звать его Арби Золотое Жало, не помню из какого Семейства. Вот этого Арби атаманша обходит десятой дорогой.

– Так скверно поет? – предположил Подранок.

– Как поет – того не слышал, а только втрескался он в нашу Уанаи до помрачения башки. Песни про любовь сочиняет, шляется по лесу – авось, мол, свидеться удастся...

– Хорош над парнем потешаться, – заступился Гвоздь за неведомого Подранку певца. – Забыл, как осенью нас шавки искали? Арби к ним в проводники нанялся, к замковым-то. Завел их в болото – еле выбрались. А сам сбежал и нас предупредил.

– Было такое, – признал Гипаш. – С тех пор наша чужеземная пичуга норовит с ним не встречаться. Мы как-то шли берегом – атаманша, я и Бурьян. Увидели издали: сидит на камешке Арби, щиплет струны лютни – не иначе как песню новую сочиняет. Уанаи встала, как в землю вбитая, да и говорит...

Тут рассказчик заметил предостерегающий взгляд Гвоздя, заткнулся и осторожно глянул на дальний конец стола.

Ксуури, склонив головку набок, спокойно и внимательно смотрела на него.

«Неужели услышала? – подумал Подранок. – В таком гаме? Или по губам читает?»

– Гипаш, – негромко сказала маленькая ксуури.

И почти сразу над столом воцарилась тишина. Разбойники, захмелевшие и развеселившиеся, пришли в себя от единственного словечка, произнесенного их повелительницей. Только один, окосевший больше других, продолжал монотонно распевать печальную балладу. Окосевшему дали по затылку, он очухался и заткнулся.

Грубые голоса смолкли, чтобы не мешать хрустальному переливчатому щебету.

– Гипаш, тебе не пора сменить часового?

– Иду, хозяйюшка, уже иду! – откликнулся здоровяк Гипаш и, не допив даже вино в кружке, выбрался из-за стола.

Уанаи тоже поднялась со скамьи, подошла к костру, поднесла к огню кусок сердца на лезвии ножа.

«Ишь, как эта плотвичка поучила жизни здешних щук! – с уважением подумал Подранок. – Что ж, когда стая слушается вожака – это дело хорошее».

* * *

Уанаи дожаривала над костром полусырой кусок оленьего сердца. Но мысли ее были заняты вовсе не едой.

Вот, значит, какие слухи ходят про нее? Она боится этого парня с лютней?

Да. Боится.

Из всего, с чем пришлось столкнуться в чужих землях, самым непостижимым и, несомненно, самым опасным была любовь.

В языке ксуури нет даже слова для такого нелепого, немыслимого понятия. А здесь каждый если не пережил любовь, то хотя бы знает о ней. Но никто не может объяснить, что это такое. Люди теряют сон и покой, лишаются аппетита, страдают, зачастую гибнут. Послушать хотя бы жуткие баллады, которые Арби готов распевать без передышки! Они же все кончаются смертью героев – а певец сияет и говорит, что это прекрасно!

И эту душевную сумятицу, это чудовищное расстройство разума здешние люди ухитрились привязать к такому простому, насквозь понятному и не лишенному приятности делу, как продление рода человеческого!

И ладно бы только здешние! Вокруг лежит огромный континент, населенный разными народами. И за морем есть обитаемые земли. И везде люди духовно изуродованы этим загадочным недугом – любовью!

Только маленький Ксуранг, такой одинокий в своем совершенстве, отгородился от большого мира Запредельными горами. Как все-таки велика мудрость предков, закрывших для большинства чужеземцев дорогу через перевалы!

Ее, изгнанницу, не хранят больше Запредельные горы. Но это не значит, что надо сдаться и стать похожей на здешних бедолаг, которые не хозяева ни телу своему, ни духу.

И на этого славного, такого несчастного Арби она бы глядела с жалостью, как смотрит здоровый человек на больного, которому не может помочь.

Глядела бы... Если бы не разговор, случившийся незадолго до первого снега.

Певец тогда хорошо поморочил голову стражникам, бродившим по лесу в поисках отряда. В знак признательности за услугу Уанаи решила подарить ему то, чего он, судя по песням, страстно желал. Себя.

Ждала радостной благодарности – а получила вспышку ярости... все правильно, эта ужасная любовь отнимает рассудок!

Певец, в гневе растеряв красивые поэтические обороты, орал:

«Мужчина я! Мужчина, понимаешь! И прекрати унижать меня своими сволочными подачками!»

Уанаи была порядком озадачена: если то, что влюбленные в балладах именуют «венцом устремлений», для него – унижительная подачка, то чего же хочет этот безумец?

Оказалось, ее любви...

Уанаи пыталась объяснить несчастному молодому человеку, что это невозможно. И в ответ услышала страшные слова:

«Невозможно? Нет на свете такого слова! Не слышу его и слышать не хочу. Если дождь падает сверху вниз, если воздух держит птиц, если огонь обжигает, а снег леденит – ты полюбишь меня. Клянусь землей, что кормит меня, клянусь Последним Костром и Бездной – ты полюбишь меня!»

Да, Уанаи была испугана. Да, она испугана и до сих пор.

То, что здесь называется магией ксуури, основывается на простом законе: «Поверь в это сам, заставь поверить другого – и это станет правдой». Можно сказать человеку: «Ты мертв!» – и он умрет, если твоя вера в его смерть будет сильнее его веры в жизнь.

В те незабываемые мгновения Уанаи была беспомощна. Ей нечего было противопоставить раскаленной вере Арби. Она бежала, да, бежала! А потом, день за днем, бесполезно пыталась изгнать из памяти слова безумца.

А если это первый признак любовной болезни? Уанаи уже над собственной памятью не властна? Вот сейчас глядит в костер – а в ушах звучит ненавистный красивый голос:

«Верю? Дурацкое слово. Я не верю, а знаю: ты полюбишь меня. Совершенно точно знаю. Иначе и быть не может».

Страшная непоколебимость. По меркам Ксуранга этот парень – могучий чародей.

И что же теперь делать? Убить человека лишь за то, что он болен? Жестоко и несправедливо.

Бежать прочь, и как можно дальше? Но тогда Уанаи потеряет часть уверенности в себе, а значит – станет слабее.

Остается одно: бороться. Ксуури умеют усилием воли изгонять из тела болезни. Справится и Уанаи.

* * *

Пока вояки вспоминали былые битвы, лекарь Барикай, не замеченный никем, улизнул из-за стола. Конечно, любопытно послушать байки наемников, но у лекаря были дела. Согрелся, выпил винца, убедился, что не простыл, – а теперь пора позаботиться о своих сокровищах, на которые не позарился разбойник.

В сенях Барикай наткнулся на служаночку лет двенадцати – кажется, хозяйка называла ее Недотепкой. Ну, до чего забавная физиономия – как у деревенской тряпичной куклы: глазищи вытарашенные, рот до ушей, косички торчат, как соломенные жгуты.

Лекарь попросил у малышки принести ему на время что-нибудь из старых вещей – холодно же на улице. Девчушка закивала с таким усердием – непонятно, как у нее голова не оторвалась! Убежала, быстро вернулась, вся в пыли и паутине, даже нос грязный. Принесла драный овчинный полушубок. Барикай поблагодарил девчушку, вытряхнул полушубок на крыльце, накинул на плечи и пошел туда, где под навесом стояла тележка.

Так... берестяным коробам с сухими травами ничего не будет, можно их оставить прямо тут. Двум кувшинчикам с мазью на холоде даже лучше, чем в тепле. А вот книга... книгу надо забрать с собой, мало ли что...

Барикай бережно вынул из-под коробов с травами большую книгу в переплете из тонких досочек. Раскрыл наугад, глянул на тесно покрытую бисерными строками страницу.

«Одну часть свежих цветков зверобоя настоять в двух частях льняного масла двадцать дней, держа сосуд в закрытом сундуке, затем процедить и отжать. Лечить масляными компрессами ожоги, хорошо также для язв и ран...»

Барикай читал бы и читал. Но тут на страницу упала крупная снежинка. Барикай вздрогнул, поспешно смахнул негодяйку, пока та не вздумала растаять прямо на строчках, и захлопнул книгу.

Он с ума сошел! Еще бы под дождем вздумал зачитаться!

Книга стоила дорого. Конечно, не оригинал, написанный рукой великого целителя старых времен, но даже копия на бумаге заставила бродягу Барикая крепко ужать расходы, а порой и поголодать.

Пальцы благоговейно тронули буквы, выжженные на деревянном переплете:

«Астионарри Полуденный Лист из Рода Хисай. Мудрость исцеления».

Ну, забрал разбойник лошадь – это ладно, это можно пережить. Барикай не пропадет, пока при нем книга... и талисман, конечно же, главное – талисман!

Там, на лесной дороге, когда перетрусивший лекарь стаскивал свою куртку, грабитель углядел за распахнувшимся воротом рубахи шнурок и спросил:

«Что это у тебя?»

Барикай с вызовом вытащил из-под рубахи кусочек бирюзы в простой железной оправе и отчаянно соврал:

«От матери досталось! Последняя память о покойнице!»

И приготовился драться и быть убитым, потому что талисман можно снять только с его трупа. Но разбойник, дай ему Безымянные здоровья, бросил на камешек равнодушный взгляд и принялся выпрягать Ромашку.

Так что все хорошо, что хорошо кончается. А книгу – забрать с собой, забрать! И вот этот мешочек...

Лекарь с удовольствием вспомнил, как в Расмире вылечил от ломоты в спине местного лавочника. Благодарный торговец в качестве платы за растирания вручил Барикаю мешочек, купленный когда-то у наследников скончавшегося целителя.

Барикай покачал мешочек на ладони. Развязывать тесемки не стал: он и так помнил, что там лежит. Маленькое бронзовое зеркальце, чтобы проверять, дышит ли еще умирающий. Тонкая стальная трубочка. Щипчики, которыми удобно извлекать из раны мелкие осколки костей. Другие щипцы, побольше и поглубже, Барикай уже дважды выдирал ими больные зубы. Маленькие ручные весы с набором крошечных гирь-разновесок. Тонкий, узкий, очень острый нож. Длинная широкая игла. Костяная ложечка для выскребания гноя, которую Астионарри назвал шпателем.

– Шпа-атель, – со вкусом произнес вслух Барикай.

Нет, нельзя оставлять это богатство в тележке! Это надо перед сном рядом с собой положить!

Кстати, а ночевать-то он где будет? Хозяин еще не сказал...

Устроиться можно с удобством, заплатить есть чем. Но денег жаль. Он же кончает бродяжить... ну, хотя бы на время. Крыша над головой будет дармовая, еда из солдатского котла. А значит, можно скопить денег на давнюю мечту – книгу о человеческом теле. Он видел такую в Тайверане, в книжной лавке. Каждая косточка на отдельном рисунке, про каждую кишку все как есть прописано. В «Мудрости исцеления» про это тоже немного есть, но все больше про лекарства да про то, как распознавать болезнь.

Но хорошие книги стоят дорого, а значит, надо беречь каждый медяк. Говорят, Кринаш берет дешевле с тех, кто ночует на сеновале или в сарае...

Где тут сарай? Ага, вот он. И замка на дверях нет.

Сложив в короб свои сокровища, Барикай пересек двор, приоткрыл дверь сарая, заглянул в щель.

Ого, тут все сделано, чтоб можно было отлично переночевать! Земляной пол щедро усыпан соломой, а посреди сарая вырыта яма, над которой струится красноватое свечение: там угли. И даже бревна вокруг ямы для удобства положены!

Барикай с удовольствием нырнул в теплую темноту, закрыв за собой дверь, чтобы не выстуживать сарай. В темноте, чуть озаренной светом углей из ямы, добрался до бревна и сел, поставив короб на солому и предвкушая, как славно заночует.

И тут он с ужасом понял, что под рукой, опирающейся на бревно, не кора, а чешуя.

Край бревна приподнялся. В полумраке сверкнули маленькие красные глазки и распахнулась клыкастая пасть.

* * *

Дождик издали, от самого леса увидел эту фигурку, такую маленькую и темную на фоне белого снега. Женщина? Девочка? Опрокинулись санки, которые она везла. Женщина пыталась собрать рассыпавшуюся поклажу, а потом опустилась в снег и заплакала, закрыв лицо руками.

Это Дождик увидел уже на бегу. Он кинулся на помощь не раздумывая, словно кто-то ткнул его меж лопаток: «Быстрее!»

Ну да, лопнула старенькая, вся в узлах, веревка, рассыпалась гигантская вязанка хвороста... и худенькая девчонка, сидя в сугробе, ревет-заливается. Ладони прижала к лицу, а меж пальцев слезы сочатся...

Сразу, без объяснений, Дождик понял, что горе такое не из-за хвороста – что ей хворост, собрал бы как-нибудь! – а навалилось много всякого, накопело на душе...

А понял потому, что и с ним такое было однажды.

* * *

Как деревенские парни избили Дождика за то, что с Нернитой целовался, – не плакал, стерпел боль и обиду. Как вскоре после этого мать на костер слегла – не плакал, горе изнутри душу выжигало. А как на следующий день после похорон упустил в колодец хозяйское ведро – тут-то и хлынули слезы. Сидел на старом колодезном срубе в лопухах и ревел. Вроде и беда невелика – ну, даст хозяин пару затрещин... Да ведь сколько можно-то – на одного человека, а?

То ли слезы в колодец упали, то ли вода на мальчишеское горе откликнулась, а только на глазах черная гладь пошла подниматься... все ближе, ближе... и вот уже в старом, почти иссякшем колодце вода стоит мало что не вровень с верхушкой сруба, а на воде ведро плавает – только руку протяни...

Взял парнишка ведро – и вода назад отхлынула.

И только тогда поверил Дождик в то, что ему мать перед смертью рассказала. А до этого думал: бредила матушка...

* * *

Если и мелькнул в памяти парнишки колодец в лопухах, то исчез сразу, не до него было. Дождик плюхнулся коленями в сугроб рядом с девчонкой и заговорил негромко, быстро и ровно:

– Все будет хорошо, совсем хорошо, вот увидишь, все уладится, все пройдет, они больше не будут, все будет хорошо...

Кто такие «они» и что именно они «больше не будут», паренек и сам не знал. Он успокаивал незнакомую девочку, как когда-то успокаивал маму, чтоб не плакала. И помогало. Мама улыбалась сквозь слезы и говорила: «Ой, не журчи...»

«Журчание» помогло и сейчас. Плечи девочки перестали вздрагивать. Но руки от лица она убрала не сразу. А когда убрала – изумленно взглянула на незнакомца.

– Вот и славно, – заявил Дождик, поднимаясь на ноги. – А мы сейчас этот хворост как соберем!

Не сказав ни слова, девочка принялась собирать хворост. Дождик помогал ей.

Девчужке лет пятнадцать. Одета бедно: серенькое платье, теплый платок накинут на голову, а концы перекрещены на груди и завязаны на спине... Это бы ладно, крестьянские

девушки нечасто наряжаются: в коровнике да на огороде жаль трепать хорошее платье. Но вот башмаки: вдрызг разбитые, слишком большие, и солома в них набита, чтоб нога в башмаке не болталась...

Веревка из-за узла стала короче и не желала удерживать гору сухих ветвей и сучьев. Дождик распахнул куртку, снял свою опояску, привязал к веревке – только так и справились с вязанкой, которая отчаянно сражалась за свою свободу.

Вторая веревка, за которую девчонка только что тянула сани, тоже была ветхой и ненадежной. «Она хоть до постоянного двора продержится? – с сомнением подумал Дождик, берясь за веревку. – Да ладно, если что – дотолкаю сани».

– Я сама! – гордо вскинула девчонка курносый носик и дернула веревку ручкой в вязаной варежке.

Но Дождик веревку не выпустил. Так и дотащили вдвоем сани до постоянного двора.

В воротах их встретила жена хозяина.

– Айки! Маленькая моя! – всплеснула она руками. – Да как же тебя отец-то одну отпустил?! А волки, а тролли, а люди лихие?..

– Здравствуй, госпожа Дагерта, – улыбнулась девчонка. На лице ее почти не осталось следов недавних слез – снежком стерла... а что носиком покрасневшим пошмыгивает, так то и от холода может быть. – А что такого, если одна? От троллей убегу, я на ногу легкая. Для волка – вон на санках топор лежит. А лихим людям я с моим хворостом и даром не нужна... Меня, госпожа Дагерта, отец прислал. Мы господину Кринашу задолжали, так чтоб я поработала. И хворост тоже ваш, господину Кринашу отцом обещано.

– Работа найдется, – ласково сказала Дагерта. – Беги на кухню. А вот с отцом твоим я еще потолкую.

«Смелая девчужка», – подумал Дождик, глядя вслед Айки.

Дагерта, словно в ответ на его мысли, вздохнула:

– Смелая. Сразу видать – топоровская девчонка. Там трусов не водится. Деревню потому так и прозвали – Топоры, что деревенские никуда не ходят без топора за поясом... или там вилы не прихватив. Места здесь опасные... А с ее отцом я поговорю, мало не покажется! Видел, какое позорище у девчонки на ногах? Думаешь, это от нищеты? Ее папаша не беднее прочих. Не то что башмаки – сапожки дочке справить не разорился бы. А он, коряга жадная, и сам впроголодь живет, старье до лохмотьев позорных донашивает, и дочку нарядить скупится. А ведь не дите малое, заневестилась уже! И долг этот... мелкий ведь должок – заплати, плюнь да забудь! Так нет же, пусть дочка отработывает!

«Айки, – подумал Дождик. – Белое Деревце. Красивое имя».

Обсуждать с Дагертой эту храбрую и милую девушку ему совсем не хотелось.

– Хозяюшка, а давай я хворост порублю и сложу, где скажешь.

– Вон там, у поленницы, – указала рукой Дагерта.

И подумала: «Славный паренек. Старательный, работу сам видит. И учтивый такой... Хорошо бы задержался у нас подольше».

* * *

Клыкастая пасть распахнулась перед оцепеневшим от ужаса лекарем. Из глубины этой неподвижной пасти донеслось:

– Зссима. Холодно. Плоххо.

И чудовище замолчало, словно ожидая ответа... или в самом деле ожидая... но какого ответа, если Барикая собственная челюсть не слушается?

Чуть выждав, чудовище снова высказалось:

– Сскоро вессна. Хорошшо.

Барикай не был героем, но и тугодумом не был никогда. И сейчас до него быстро дошло: может, потом его и съедят, но сейчас его развлекают учтивой беседой. Про погоду.

– Д... да... – рискнул он ответить. И никто ему за это ничего не откусил.

Правда, два других «бревна» – побольше и поменьше – тоже ожили и задвигались. Но ужаснуться вторично Барикаю помешала приоткрывшаяся дверь.

Через порог перешагнул пятилетний мальчуган. Лекарь не успел крикнуть, предупредить его...

Мальш подбежал к «бревнышку» поменьше, плюхнулся рядом с ним на солому, обхватил чешуйчатую тварь руками и звонко попросил:

– Дяденька Сизый, отпусти Первого Ученика со мной поиграть!

Самое большое из чудовищ вскинуло увенчанную высоким гребнем голову. И в голосе его, неразборчиво шипящем, прозвучала настоящая, вполне человеческая тревога:

– Нельсса! Холодно! Простудитесь!

– Да мы не на дворе! Мы на чердак заберемся, там тепло. У меня там птица живет, на веревке привязана.

Чудовище, на котором продолжал сидеть потрясенный лекарь, заинтересованно встряло в разговор:

– Съешь птичку?

– Нет, она не для еды живет, а для потехи, смешная такая... Ой, я же забыл совсем! К вам гости приехали!

– Госсти? – переспросил тот, кого мальчик назвал Сизым. Остальные двое возбужденно зашипели.

– Ну да, наемники из крепости, аж сам дарнигар! Они прослышали, что у нас ящеры живут, и захотели познакомиться.

После короткого, но бурного шипения (чудища явно совещались) последовал ответ:

– Снакомитесь – хорошно!

Мальчуган перенес внимание на Барикая:

– Господин, там мама на стол собрала! Поспешил бы, а то голодным останешься!

Лекарь (который только что ожидал, что сам будет угощением на чужом пиру) подобрал свой короб с книгой и поднялся на непослушных ногах. Но к двери не двинулся, хотя ужасно хотелось оказаться отсюда как можно дальше.

Конечно, он уже понял, что жуткие твари проживают здесь с ведома Кринаша и что их детеныш дружит с хозяйским мальчуганом. Но все же не мог уйти и оставить мальчугана одного с клыкастыми чудовищами. Мало ли что!..

Только позже, вернувшись в яркое великолепие морозного двора и окончательно поверив, что остался жив, лекарь задал себе вопрос: а как бы он смог защитить ребенка? У него из оружия – только книга. И даже с оружием он ящерам не противник... А там, в сарае, даже мысли такой не мелькнуло – ну, странно даже!

Успокоившись, лекарь с интересом и симпатией принялся разглядывать черного чешуйчатого детеныша ящера, которого все-таки отпустили погулять. Оба малыша ни на какой чердак не спешили, а устроили игру в догонялки, причем носились друг за другом с одинаковым успехом. Наконец юный ящер загнал приятеля на высокую поленницу.

Парнишка-работник, рубивший хворост, бросил топор и всплеснул руками:

– Дрова рассыплете, разбойники!

Он осторожно снял хозяйского сынишку с поленницы, но взглянул на ящерка, в предвкушении разинувшего пасть, – и посадил мальчика к себе на плечи.

– Нечесно! – возмутился ящер и, поднявшись на задние лапы, попытался тяпнуть малыша за валенок. Но работник с хохотом завертелся, не давая черному ящерку добраться до добычи.

Работник смеялся, мальчик восторженно визжал, а ящер, судя по всему, забыл обиду и тоже развлекался вовсю.

Барикай подумал, что ящеры тут, похоже, никому не страшны – хотя, конечно, хозяин мог бы его и предупредить!

Но бродячий лекарь был человеком незлопамятным и не пошел к Кринашу скандалить. Куда интереснее было наблюдать за суматохой, которую устроила эта странная компания.

За веселой возней никто не заметил чужого человека. Лишь когда огромный черный пес загремел цепью у будки и залаял, работник спохватился – снял малыша с плеч, поставил на землю и обернулся к вошедшему во двор крестьянскому парню лет двадцати, в добротном полушубке, крепких сапогах и волчьей шапке набекрень.

Лекарь хмыкнул: небось первый парень на деревне. И явно не беден, и собой хорош – на грубоватый, простонародный лад. Русые курчавые волосы. Хозяйский, гордый разворот широких плеч. Уверенный, даже нагловатый взгляд серых глаз. Должно быть, не одна здешняя красotka потеряла покой и сон.

Про ящеров парень наверняка слышал: на черного детеныша глянул без страха, но с неприязнью.

– У вас что, эту мразь не на привязи держат? – удивился он в полный голос.

Черный ящерок, как тут же выяснилось, глухотой не страдал и в чужом языке изрядно преуспел. Он взвился на задние лапы и сердито прошипел:

– Ссам мрассь!

Мальчуган, мгновенно посуровевший, уже лепил снежок. Он не собирался бросать друга на произвол военной удачи.

– Эй-эй, малыши, – вмешался работник, – а ну, бегите в тепло, не то простудитесь!

Мальчишка показал язык обидчику своего приятеля и гордо прошествовал мимо него к крыльцу. Черный ящерок заскользил следом, на ходу тоже высунув в сторону грубияна длинный, узкий, по-змеиному раздвоенный язык.

– Мало тебя отец порет! – бросил парень вслед мальчишке.

Тот задержался на крыльце – и в плечо чужаку ударил не зря слепленный тугой снежок.

Парень дернулся было вслед, но вовремя сообразил, что будет выглядеть смешно в погоне за пятилетним карапузом.

– Ну, зачем же так? – мирно сказал работник. – Дети все-таки...

Парень смерил его презрительным взглядом.

– Кринаш купил раба? А я и не знал.

– Если это про меня, – все так же беззлобно откликнулся работник, – то я тут постоялец.

Вид у парня стал заметно почтительнее. На постоялом дворе гость – король.

– Хиторш Падающий Камень, – назвалса он на всякий случай. – Из Семейства Аджунер. Топоровские мы. А ежели господин – постоялец, так чего с хворостом возитса?

– Дождик, – представился в ответ собеседник. – Работаю за постой: с деньгами туго.

– А, Отребе... – сплюнул Хиторш, разом забыв учтивое слово «господин». Новый знакомый оказался ничтожеством, чуть выше раба.

– Привет, Хиторш! – поздоровался с парнем вышедший из конюшни хозяин. – Каким ветром ко мне?

– Наши старики потолковали и послали меня сюда поработать, раз гостей много, – с поклоном ответил парень.

– А, ну-ну. Тогда бери ведро и натаскай воды вон в ту бочку.

Тут из-за угла дома вышла Айки – оживленная, веселая, в руках корзинка: в погреб бегала за припасами.

Увидела Хиторша. Глаза девчушки округлились, улыбка исчезла. Она проворно взбежала на крыльцо и юркнула в дом, как мышонок в спасительную норку.

* * *

Гости уже сидели за столом, когда появился обещанный Дагертой бродячий певец. Еще в сенях он был тихо обруган хозяйкой за то, что шляется по лесу, троллей тешит, вместо того чтоб петь гостям. Для чего его тут зимовать оставили? За что кормят-поят? А ну, живо за лютню... нет, поесть-то можно, а потом сразу петь, да чтоб не вытье тоскливое, а что повеселее!

Усаживаясь за длинный стол (за которым сидели и господа, и слуги – только на разных концах), певец сообщил:

– А я троллей видел. Четверо, ниже по течению, у Лисьей скалы.

Никого он этими словами не удивил. Тролли считались такой же принадлежностью здешней зимы, как и сугробы.

Только юный Сын Рода, недавно приехавший сюда поохотиться, негромко протянул:

– Страх-то какой...

Певец Арби не ответил: уже наворачивал кашу с курятиной. Ему недосуг было вести разговоры: поесть бы скорее да и впрямь спеть что-нибудь гостям. Незачем сердить Дагерту.

А вот Челивис воспользовался этой короткой репликой, чтобы познакомиться с подавшим голос круглолицым, щекастым юнцом. Ибо юнец этот вызывал у авантюриста серьезнейшие опасения.

Да, вид у паршивца наивный. Да, можно поручиться, что он только-только отцепился от маминого подола, а до того рос на свежее испеченных булочках, варенье и прочих домашних лакомствах. Ну и что? А сколько раз приходилось матерому шулеру Челивису изображать из себя наивного провинциала, неиспорченную душу, простака несусветного?

Нет, юнца недооценивать нельзя. Ведь что известно Челивису про этого светлобрового, розового молочного поросенка?

Приехал за два дня до Челивиса с попутным купеческим караваном. Купцы на следующий день двинулись дальше, а поросенок здесь остался. Говорит, приехал поохотиться. А при себе у него только арбалет и колчан стрел. Охотник, да? И никого с собой не взял – ни напарника, ни охранника. Такой грозный, что любую Подгорную Тварь плевком в бегство обратит? А троллей заставит свою добычу тащить до постоянного двора?

Да чтоб Челивису до самой смерти не отвязаться от Клешни и Дабунша, если этот молокосос собирается пустить хоть одну стрелу во что-нибудь скачущее или летящее... Кстати, а как зовут-то молокососа?

Челивис учтиво подхватил брошенную розовощеки юнцом реплику:

– О да, эти тролли – истинная беда. Хорошо бы король прислал отряд, чтобы очистить здешние места... Ах, прошу простить мне неучтивость, я же не представился! Челивис Парчовый Кошель из Рода Вайсутар... а с кем меня свела судьба?

– Намиэл Мягкая Перчатка, – представился «поросенок». – Из Рода Жервил.

Внезапно на другом конце стола, где ели слуги и батраки, громила Дабунш оторвался от еды и с интересом спросил:

– Это который Жервил-и-Винниграй?

Челивис бросил на Дабунша грозный взгляд и в изысканных выражениях извинился перед собеседником за бесцеремонность и невоспитанность слуги.

Но юноша не обиделся.

– Он прав: так наши два Рода в столице и называют, обязательно вместе. Папе и его компаньону принадлежат верфи, несколько кораблей... ну, еще по мелочи – лавки, кабаки.

«Тебе это – мелочи?» – мысленно восхитился Челивис.

А юнец, оказавшийся отпрыском богатенького папочки, уже увлеченно расспрашивал певца Арби о троллях. Челивис пока помалкивал.

И тут юный Намиэл сказал нечто такое, от чего у Челивиса пропал аппетит.
– Арби, хозяйшка говорит, что ты много бродишь по здешним лесам. Скажи, не попадалось ли тебе место, которое называлось бы Улыбка Рыси?

* * *

Пора было возвращаться. Но охота не задалась, а возвращаться с пустыми руками нельзя. Старый Хырр скажет: «Детеньш». Ей скажет, Агш. Она вожак охотников. Она не принесла мяса.

Племя слушает Хырра. «Детеньш», – скажет он. И Агш станет детеньшем. Положит дубину у входа в пещеру и пойдет в угол к старикам и мелюзге. Скоблить шкуры, кормить огонь. Пока Хырр не скажет, что она выросла.

– Уходим? – с надеждой спросил Агш один из троллей.

– Не уходим, – решила молодая самка. – Охотимся.

Трое троллей негромко зарычали, оскалив клыки.

Подступала ночь. Опасная. Злая. Ночью ходят Те, Кто Убивает. Ночью надо спать в пещере у костра.

Но Агш не пойдет в пещеру без мяса.

Самцы послушаются. Если они захотят уйти, Агш скажет им: «Труссы».

Самцы этого не хотят. Они хотят Агш. Агш молодая, сильная.

Но Агш упрямая. Она хочет родить детеньша от сильного самца. Сильнее, чем она сама.

Ни один самец не справится с Агш. Она сильная.

В племени два самца едят каменные грибы. Старый Хырр запрещает, но они едят. Каменные грибы дают им силу, как у горной лавины. Но отнимают разум. Глаза у самцов становятся красными. Они не говорят, а рычат. Они тоже хотят Агш. Они сильнее Агш. Но им ее не одолеть. Агш бегаем быстрее всех в племени...

– Охотимся, – сказала молодая самка.

Она поглядела с вершины скалы на берег реки.

Хорошо видно. Далеко. Вон там – берлога людей. Там живет страшный Кринаш. Он бросает камни через реку. Он убивает троллей издали. К берлоге Кринаша идти нельзя.

Но других людей ловить можно, если их мало. Люди – мясо.

– Охотимся, – покорно повторили вслед за Агш три самца.

* * *

Айки оттирала золой котел и старалась не плакать. Если госпожа Дагерта заметит заплаканные глаза, отмолчаться не удастся. А рассказывать... рассказывать нечего. Дура она, вот и все.

И днем разревелась хуже малого ребенка. Тоже мне горе – хворост рассыпался! Тот парнишка, Дождик, наверное, смеется над нею сейчас...

Нет. Не смеется. У него глаза добрые.

Ну, зачем Кринашу столько работников, да еще среди зимы? Айки и Дождик управились бы с делами.

И не заявился бы сюда Хиторш!

Не плакать. Только не плакать. Что скажешь госпоже Дагерте, если увидит? Слезы из-за того, что сюда притащился Хиторш? А что ей Хиторш сделал-то? Ударил? Приставал грубо? Крепким словом обидел? Не было такого.

И кому какое дело, что у этого красавчика глаз дурной?

Вроде бы всем парень хорош, деревенские девчонки обмирают от его вида... неужели не замечают, как страшно он глядит? Словно грубо берет за плечи – и надо вырваться, не поддаться...

Как хорошо было без него на постоялом дворе! Хозяева добрые, работа не тяжелее, чем дома, люди вокруг новые – интересно же! Когда Айки шла сюда – побаивалась ящеров. А увидела утром в окошко, как хозяйский сын с ящерком с прогулки прибежали и мальчуган приятеля до сарая проводил, так бояться перестала. Недавно по просьбе хозяйки заскочила в сарай, спросила: «Все ли в порядке?» А они так смешно зашипели: «Все хорошо...»

И Дождик их не боится, вон как играл с Первым Учеником!

Нет, вот что бы Кринашу сказать: «Ступай, Хиторш, домой. У меня уже двое работников: Дождик и Айки!»

Хотя... Айки ведь не знает, надолго ли здесь Дождик! Он тут человек чужой. Может, завтра и уйдет.

Почему-то эта мысль так огорчила Айки, что новая слезинка скатилась по щеке. А вроде справилась уже со слезами!

И тут из-за окошка послышался голос Дождика. Негромкий, не поймешь даже, о чем он говорит (ставни-то закрыты, зима же, вот и плохо слышать).

Вот вроде и не с нею, Айки, он разговаривает – а до чего утешительный голос! Добрый такой...

Дождик замолчал, ему ответил Кринаш. Хозяин говорил громче и разборчивее:

– А ты, паренек, надолго сюда?

Слезы сразу высохли. Айки оставила котел и кинулась к окну.

Подслушивать нехорошо? Ну и пусть. Айки обязательно надо узнать, что ответит Дождик.

И она услышала:

– Да я и сам не знаю, хозяин.

– Не знаешь? Стало быть, просто бродяжишь?

– Вроде того.

– Зимой скитаться – дело паршивое. По себе знаю. Сам когда-то ходил от деревни к деревне, пока меня один наемник в ученики не взял. Где ты зимой работу сыщешь? Оставайся хотя бы до весны!

Дождик молчал. Айки затаила дыхание.

И тут в беседу мужчин ворвался неприятный, резкий голос:

– Ты бы, Кринаш, спросил лучше: будет ли парнишка жив к весне?

«Бабка Гульда!» – охнула про себя Айки, сжав кулачки так, что ногти вжались в ладони.

Мужчины ошарашено молчали. Затем заговорил Гвоздик – тихо, неуверенно:

– А... а что, это по мне видно?

– А ты как думал? Вашего брата по глазам признать можно, если глянуть умеючи. Сколько тебе жить-то осталось?

– Ты же сама сказала, – горько откликнулся Дождик. – До весны...

* * *

Сизый был доволен – тягучим, длинным удовольствием, от носа до кончика хвоста.

Ему, совсем молодому ящеру, еще не избывшему детскую черноту (только голубовато-сизые разводы бегут по чешуе, обозначая будущий цвет), доверено было учить язык людей. Потом пойдут переговоры из-за Дивной Купели (которую люди называют Смердной Трясиной), и тогда он, Сизый, будет голосом всех ящеров. И Ловец Ветра. И Первый Ученик.

Только что к ним приходил вожак человеческих воинов. Ящеры вели с ним разговор. Хороший, понятный. Вожак-человек разрешил троим ящерам охотиться в его угодьях. Ящеры и так охотились, но разрешение, данное чужому, пришлому, – это для них важно.

Их пригласили посетить человеческую берлогу... как она называется? Не вымолвить!

– Первый, – прошипел Сизый ученику, – как называется человежье логово, куда нас звали?

– Крепоссть, – без запинки ответил малыш.

Первый в жизни Сизого ученик – и такой умница! И ему явно идут на пользу игры с человеческим детенышем. Уже знает больше слов, чем оба старших ящера.

А в «крепоссть» и вправду надо наведаться, да не с пустой пастью. Надо будет завалить зверя покрупнее – лося или оленя. И принести чужому вожаку лучший кусок добычи, как требует обычай...

Скрипнула дверь. На пороге встала человеческая фигурка с торчащими в стороны хвостиками из длинной светлой шерсти. Ящеры уже знали, что это называется «косички».

До чего все-таки безобразны люди! Умны, спору нет. Иногда отважны. Но безобразны до изумления. Даже глаз всего два! Третьего, на макушке, нету!

Существо с косичками опустилось на солому.

– Сегодня мы выучим названия частей тела, – раздалось шипение на языке ящеров. – Вот это – рука.

Вперед вытянулась передняя лапа – голая, без чешуи, отвратительно светлая и, что самое ужасное, лишенная когтей.

– Рукха, – послушно вытолкнули из глоток ящеры.

Может быть, воины-люди и опаснее, чем воины-ящеры. Но маги у чешуйчатого народа куда могущественнее! Попробовал бы маг-человек принять облик ящера и пробыть в нем несколько охотничьих сезонов – да так, чтоб за своего приняли и в стаю допустили! А вот самка по имени Короткий Хвост живет себе у людей под видом человежьего детеныша, которого тут называют Недотепкой. Мудрая, отважная самка!

– Пальцы, – пошевелила наставница отростками на лапе... нет, на «рукхе».

– Пальссы, – послушно повторили ящеры.

* * *

– Я и сам ничего не знал, пока мама не умерла. Она перед смертью рассказала, что моим отцом был не человек, а водяной. Знаете, хозяин реки...

– Ясно-понятно, знаем, – кивнул Кринаш. – У самого водяника в соседках, даже видел ее пару раз. Вот только не знал, что у них с людьми дети бывают.

– Бывают, – тоном знающего человека подтвердила бабка Гульда. – Только долго не живут. Тебя, паренек, мать крепко любила.

– Да, – кивнул Дождик. – Она так и сказала: «Я тебя своей любовью на свете держу. Пока я жива, ты человек среди людей. А когда умру, вода над кровью верх возьмет. Найди, сынок, себе реку или озеро, не то по земле растечешься, туманом растаешь, в облака уйдешь...»

– Так мало ли на земле рек да озер? – не понял Кринаш.

– Да заняты все! – не сдержавшись, выкрикнул Дождик. Взял себя в руки и продолжил спокойнее: – Иной пруд мелкий, чуть больше лужи... а даже подойти не смей!

– Стало быть, хочешь в наших краях обойти все реки и озера, а потом дальше двинуться? – сочувственно спросил Кринаш.

– Да. Я как раз хотел расспросить...

– А ты не подумывал податься в колодезники? – перебила парнишку Гульда. – Колодцев много – колодезников мало. Будешь век за веком жить рядом с одной семьей, сроднишься с

нею, подружишься. Детишки с тобой играть будут, а взрослые станут гордиться: хорош, мол, у нас колодец – и в жару не пересыхает, и вода до того вкусная!.. Если кто в чужие края подается – во сне будет видеть родной дом и колодец...

Дождика передернуло.

– Думал уже! Говорил себе: все лучше, чем умереть... Но не могу я, бабушка! Как посмотрю в черноту, как подумаю: вот вода столбом стоит, неподвижная такая... ужас!

– Что бы ты понимал! – возмутилась Гульда. – Да колодец через подземные ключи со всей землей шепчется!

– А ты откуда знаешь? – удивился Дождик.

– Старые люди многое знают, – отрезала старуха и обернулась к Кринашу: – А что, хозяин, не отвести ли мне парнишку к Безымянке?

– Туда же никто не... – Кринаш осекся – и продолжил другим тоном: – А попробуй! Ясно-понятно, раз парню пропадать...

– Безымянка – это что? – встрепнулся Дождик. – Речка?

– Лесная, – ответила Гульда. – Впадает в Тагизарну. Хозяина у нее нету, уж поверь.

Дождик оживился, просиял, чуть не заплясал.

– Пойдем, бабушка! Пойдем скорее! Покажи!

– Что, на ночь глядя?! – возмутился Кринаш. – Чтоб тебя в лесу сожрали? До утра и не думай!

– До утра будешь думать о другом, – неожиданно хмуро сказала старуха. – Почему у речки нет хозяина? Почему люди к ней стараются не ходить? Почему даже звери обходят ее берега?

Дождик озадаченно притих.

– Я тебе еще загадку подкину, – продолжала бабка Гульда. – Осенью из-за Грани выбрело в наш мир водяное чудище. Поселилось в Безымянке. Выбрасывало на берег петли – тонкие, как рыбацкая леса. В эти силки оно ловило дичь, затаскивало ее в воду.

– А верно, – вспомнил вдруг хозяин. – Меня Молчун предупредил, аккурат перед тем как распрощаться! – Он покрутил головой, вспомнив, при каких небывалых обстоятельствах расстался со своим бывшим рабом. – Сказал: меня какая-то пакость чуть в Безымянку не уволокла, так ты, Кринаш, поосторожнее будь...

– Сдохло чудовище, – сообщила Гульда. – Не вынесло наших морозов. Я его на берегу видела: вмерзло в лед.

Старуха обернулась к юноше. Пронзительно глянула в глаза:

– На берегу Тагизарны! Не Безымянки, а Тагизарны! Даже оно в той речушке не прижилось, прочь подалось!

– Вот я завтра на эту речку и гляну, – тихо и твердо сказал Дождик.

А в доме, у кухонного окна, замерла Айки, прижав к груди испачканные золой руки.

Да, она еще днем сказала себе, что Дождик – совсем как добрый принц из волшебной сказки.

Оказывается, он и впрямь из сказки. Но эта сказка может очень печально кончиться.

* * *

Вечером Челивис, сидя на краю кровати и развязывая ремни на сапогах, спросил:

– Дабунш, а этот щекастый... Намиэл... Он действительно богат?

Дабунш, устраивающийся поудобнее на лежащем у стены тюфяке, ответил не сразу. Челивис уже знал, что громиле надо сначала обдумать вопрос. А потом – обдумать ответ.

– Богатый. Очень. Вся столица знает.

Еще подумал и добавил:

– Бернидийцы. Поговаривают, раньше пиратами были. Крепко дружат. Жервил-и-Винниграй. Их так все зовут.

– Он за кладом охотится, это ясно, – сказал негромко Челивис. – Тоже копию карты заполучил. Но если мальчику из богатого дома вздумалось поиграть в кладоискателя, он должен был с головы до ног обвешаться снаряжением и оружием. И обязательно взять охрану. Как же его одного из дому отпустили? Не знаешь, много при нем слуг?

– Кучер-наррабанец, что его привез. Дрыхнет все время в пристройке.

– Странно это... – Челивис досадливо вздохнул, скинул сапоги и лег. – Как же он не вовремя! Будет у нас под ногами путаться...

– Не он один, – прогудел Дабунш.

– Что-что? – приподнялся Челивис на локте.

Дабунш помолчал, собираясь с мыслями.

– Я потолковал после ужина с Хиторшем. Ну, парень тут батрачит. Сегодня из Топоров пришел. Я его спросил, что в деревне делается.

– Да ну? – приятно удивился Дабунш неожиданной смекалке союзника.

– В деревню приехали две ватаги. В одной четыре человека. В другой четыре человека. Остановились в «Жареном петухе», которые четыре. А которые другие четыре – те по дворам у крестьян. И уже успели набить друг другу морды.

– Кладоискатели! – хватил Челивис кулаком по подушке. – Ладно, потом подумаем, как с ними быть. А толстощекиим хомячком займешься ты, Дабунш. Ты для этого достаточно страшный.

Дабунш польщено рыкнул что-то неразборчивое.

– Поймай этого породистого щенка... ну, где хочешь, лишь бы Кринаш не видел. И припугни его так, чтоб он из собственных сапог выскочил и босиком до Джангаша бежать пустился. Не мне тебя учить.

Привычное короткое молчание – и неожиданный ответ:

– Нельзя.

– Что-что? – изумился Челивис.

– Он сын Жервила-и-Винниграя.

– Вообще-то он сын одного Жервила, – уточнил озадаченный Челивис. – Но с каких это пор ты виляешь хвостом перед богатенькими барчуками?

На этот раз молчание длилось дольше. Наконец Дабунш решился:

– Мы работаем на Клешню.

– Да. Ну и что?

– Клешня работает на Жервила-и-Винниграя.

* * *

Однорукий нищий покинул постоялый двор ранним утром.

– Что, даже не позавтракаешь? – окликнул его Кринаш. – Заплачено ведь за тебя!

– Мне твоя хозяйка кой-чего с собой дала, храни вас обоих Безликие.

– Да зачем в одиночку топать, Подгорных Тварей тешить?

– Что, сожрут они меня? Какое горе для всего Силурана! Король объявит всенародный траур!

– Кончай кривляться. Тебе же вниз по теченью, верно? К Джангашу? Так погоди малость. После завтрака дарнигар с наемниками поедет обратно в крепость, тебе с ними по пути. Они возьмут с собой лекаря с тележкой – доедешь таким господином... А если с ними в крепость завернешь, так и пообедаешь. Наемники – народ не скупой.

Слова хозяина были насквозь резонны. Но хмурые глаза Ланата полыхнули темной яростью:

– Чтобы я... с этими... ну уж нет!

Кринашу недосуг было уговаривать привередливого нищего. Бросил неодобрительно:

– Доброго пути!

И поспешил по своим многочисленным делам.

Ланат побрел было со двора, но задержался у навеса, под которым на краю тележки сидел лекарь и перебирал свои кувшинчики и берестяные кулечки.

Барикай поднял на нищего дружелюбный взгляд:

– Спросить что-то хочешь?

– Ну да, – решил нищий. – Лицо господина мне уж больно знакомо.

– Так мое дело бродячее, – развел руками Барикай. – Могли встречаться хоть в Грайане, хоть в Силуране. Я на одном месте не сижу.

– В Грайане, – негромко сказал Ланат. – В руднике. Был там один каторжник, в нижнем ярусе на цепи сидел. Ну, похож на господина – черточка в черточку! Когда за наших военнопленных выкуп привезли, тот парень назвался кличкой погибшего соседа по штреку – силуранского наемника из Отребья. Так его и выкупили, вместо другого.

Лекарь перестал улыбаться, но глядел приветливо.

– Везет пройдохам... Но у меня нет в рудниках родни.

Нищий виновато поклонился и пошел прочь.

Уже за воротами он сказал негромко, убеждая себя самого:

– Ну да. Тот парень и лекарем-то не был. Он был вором.

* * *

– А мне ящеры понравились, – сказала Румра. – Правильно ты, дарнигар, пригласил их наведываться в крепость. Пусть парни заранее, до весны, на них полюбуются. Только надо предупредить гарнизон, что к нам могут нагрнуть чешуйчатые гости.

– Поговорю с десятниками, – кивнул Литисай. – Но и Вягир со Стеблем молчать не будут. А, Вягир? – обернулся он к наемнику, сидевшему в тележке и правящему Рыжухой. – Расскажешь в крепости о страшных клыкастых чудищах?

– А как же! – поддержал Вягир шутку. – Такие пасти, что лошадь со всадником въедет! А клыки – что мечи...

Веселую беседу прервал короткий тревожный свист: Стебель, ехавший впереди, увидел что-то неладное.

Всадники взяли за оружие. Стебель спешил, разглядывая что-то в снегу у дороги. Затем обернулся к насторожившимся спутникам:

– Тролли. Четыре морды. Недавно прошли.

Всадники двинулись дальше, только медленнее. Стебель не вернулся в седло. Он шел, не отрывая глаз от цепочки следов.

Берег становился все круче, дорога шла вверх. Никто уже не болтал, не шутил. Все были собраны, серьезны. Лекарь шепотом молил Безликих о милости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.